



Гиперборея

Юрий Никитин
Золотая шпага

«ЭКСМО»

1979

Никитин Ю. А.

Золотая шпага / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
1979 — (Гиперборея)

Армия не знала лучшего офицера, дуэлянты боялись лучшей шпаги Российской Империи, женщины сходили с ума по красавцу атлету, который ломал по две подковы разом и был вхож к императорам. Александр Засядько – кавалер высших боевых орденов, герой сражений стал создателем ракетного оружия и теории реактивной тяги. Один лишь залп его ракетных орудий привел к победному окончанию русско-турецкой войны...

© Никитин Ю. А., 1979

© Эксмо, 1979

Содержание

Часть I	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	36
ГЛАВА 7	42
ГЛАВА 8	47
ГЛАВА 9	52
ГЛАВА 10	58
ГЛАВА 11	63
ГЛАВА 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Юрий НИКИТИН ЗОЛОТАЯ ШПАГА



Часть I

ГЛАВА 1

Преподаватель баллистики подполковник Кениг решил сократить путь к выходу из училища и пошел через зал для фехтования. Сюда он редко заглядывал, ибо упражнения со шпагой нелепы человеку, привыкшему рассчитывать траектории огромных чугунных ядер. А ядро сшибет с ног слона, не только человека со шпагой или чем-то еще колющим-рубящим в руках.

Зал был почти пуст, лишь в дальнем углу упражнялся высокий, атлетического сложения юноша. Под мокрой от пота и прилипшей к широкой мускулистой спине рубашкой бугрились мышцы. Плечи у юноши были массивные, налитые здоровой, уверенной силой. Он раз за разом повторял один и тот же прием, оттачивая каждое движение до ювелирного изящества. Выпад – поворот рукояти – укол... Выпад – поворот – укол...

Кениг поморщился. Высокий и сутулый, с взлохмаченными волосами и ястребиным носом, он сейчас напоминал большую хищную птицу, готовую броситься на первую попавшуюся жертву. Впрочем, внешность вполне соответствовала характеру. Злой и язвительный, наделенный острым аналитическим умом, Кениг не давал спуска ни кадетам, ни коллегам. С его легкой руки многие преподаватели получили обидные клички, директор нажил язву желудка, а кадеты то и дело подвергались взысканиям. Он был из числа многих иностранцев, приехавших в Россию, как сказал впоследствии Лермонтов, «на ловлю счастья и чинов». Процесс европеизации, начатый еще Петром I, все еще не был завершен, почти на всех высших командных должностях стояли иностранцы, и они же представляли преподавательский состав в академии и во всякого рода высших училищах. Кенига злили и раздражали остатки патриархального боярского быта, которые выплывали исподволь то там, то здесь, и он боролся с ними со всей яростью и энергией холерического темперамента.

Да, внешне он был похож на ястреба, но юноша, упражняющийся со шпагой, меньше всего походил на мышь или зайца. Поразительнее всего было то, что восемь лет тому – при поступлении в кадетский корпус – это был очень худенький, болезненного вида мальчик. Но в слабеньком тельце таилась несокрушимая воля. В то время как его сверстники еще не жили в постелях, этот странный кадет уже до изнеможения упражнялся в гимнастическом зале, а когда товарищи старательно разучивали правила игры в светские карточные игры, он в пустой комнате читал вслух стихи, ибо от рождения был наделен некоторым косноязычием. И в то же время успевал быть первым в науках!

И вот теперь в зале сражался с чучелом мускулистый юноша, пожалуй, самый сильный в училище. У него прорезался чистый голос – мощный и звонкий, как боевая труба, он отрастил самые широкие среди кадетов плечи, зато пояс двенадцатилетней девочки ему пришелся бы в пору.

Кениг продолжал хмуриться. Ему неприятно было видеть, что самый талантливый ученик занимается ничемным делом. Пусть ему только восемнадцать лет, возраст, в котором кровопролитные дуэли имеют едва ли не первостепенное значение, но ведь у него и глубокий ум, которому старики могут позавидовать!

Юноша обернулся на стук шагов, вытянулся в струнку.

– Вольно, – сказал Кениг. Он хотел было пройти мимо, но что-то мелькнуло в памяти, заставило остановиться. – Погодите, – сказал он медленно, – ведь сегодня вы получили офицерский чин. Вы уже не кадет, подпоручик Засядько. Ваши товарищи, которые едва-едва вытянули на прапорщиков, закатали пир горой. А вы? Тычете шпагой ни в чем не повинное чучело. Словно бы ничего особенного не случилось! Да поймите же – вас выпускают из училища под-

поручиком! Вспомните, князь Михаил Илларионович Кутузов тоже окончил артиллерийское училище, но был выпущен лишь прапорщиком. А каких вершин достиг! На днях назначен директором артиллерийского училища в Петербурге.

Засядько спокойно смотрел в лицо преподавателя баллистики. Глаза юноши были ясные, чистые. Был он наделен той мужественной красотой, которая так редко встречается среди изнеженных дворянских сынков, прирожденных горожан. «Из казацкого рода, – вспомнил Кениг. – Сын главного гармаша Сечи».

– Что же вы не отвечаете? – спросил Кениг, стараясь придать голосу суровость. – Хотя вы и подпоручик, но разговариваете с подполковником!

Засядько снова вытянулся. Кениг недовольно поморщился, махнул рукой:

– Вольно, вольно. Нечего показывать свою фигуру... надо заметить, неплохую. И грудь у вас уже широка, как наковальня. Давайте лучше присядем, юноша. Возможно, я вас больше не увижу. Да что там «возможно»... Наверняка не увижу. Хочется поговорить напоследок...

Удивленный Засядько сел рядом с подполковником на подоконник. Кениг внимательно и грустно рассматривал юношу. Силен, красив, но в черных, как маслины, глазах, несмотря на кажущуюся открытость, что-то есть еще, глубоко затаенное.

– Скажите, почему вы не на пирушке?

Молодой подпоручик неопределенно пожал плечами:

– Н-ну... я не люблю пить.

– Послушайте, Засядько, постарайтесь быть со мной откровенным. Ведь вы мой лучший ученик. Надеюсь, вы и сами замечали мое особое отношение к вам?

– Замечал, – улыбнулся Засядько. – Вы меня гоняли по предметам больше всех.

– Потому что люблю ваши ответы. Вы отвечаете умно, смело, оригинально, обосновывая свое мнение. Часто спорите с авторитетами. У вас острый ум, Засядько. Но не только острый, ибо можно до конца дней остаться салонным острословом, но и глубокий. Теперь вы уходите, а я так до конца и не разобрался в вас. Мне хочется, если позволите, задать один несколько необычный вопрос... Вот вы – первый ученик в кадетском корпусе. И по знаниям, и по фехтованию. Никто этого не отрицает. Но почему вы так рветесь... и куда? Вы буквально изнуряете себя занятиями и тренировками. Другие видят только парадную сторону и завидуют: ах, какой талантливый, как ему все легко дается! Но я знаю цену подобной легкости. Вы можете надорваться. Советую соразмерять силы. Если нет какой-то сверхцели, то не лучше ли вести более размеренную жизнь?

– А если есть? – спросил Засядько.

– Что? – не понял Кениг.

– Сверхцель.

– Тогда Боже благослови... Но откуда у вас, такого юного, сверхцель? И как вы ее конкретно представляете?

Юноша помолчал, испытующе посмотрел на преподавателя:

– Человек... должен жить в полную силу. Так мне говорил отец. Он должен делать наибольшее, на что способны его руки, сердце и голова.

– Все хотят быть полезными государю и Отечеству, – напомнил Кениг.

– Хотеть мало, – ответил Засядько серьезно. Он поставил шпагу между колен, погладил эфес. – Что хорошего в пирушке? Напьются, пообъясняются друг другу в вечной любви и дружбе. Наутро сами себе покажутся противными.

– Так уж и покажутся?

Засядько двинул плечами:

– Ну, не обязательно. Для иных это будет веселым и забавным времяпровождением.

– Не все же время можно работать, – возразил Кениг.

– Не все, – подтвердил Засядько с сожалением.

Кениг осторожно заметил:

– Возможно, вы не пошли из-за стесненности в средствах... В таком случае, Саша, позвольте мне так вас называть, располагайте моим кошельком. Получаю я немало, а много ли надо одинокому человеку? Как я слышал, у вас небогатые родители.

Засядько ответил просто:

– Это верно. Мои родители денег присылать не могут. Но я не пошел на пирушку по иной причине. Просто... вспомнил пирамиды.

– Что?.. Что?! – переспросил Кениг. Ему показалось, что он ослышался.

– Пирамиды, возведенные неведомыми строителями Египта. Десятки веков стоят в пустыне, а люди все не надивятся. Да и поистине это величайшее из семи чудес света!

– Что-то я не понимаю ваших иносказаний.

– Это не иносказание. Строители пирамид были обречены на каторжный труд. Им было не до пирушек. Зато творения их рук уже не одну тысячу лет удивляют мир. А что осталось от тех, кто не строил пирамид, а проводил жизнь в пирушках? Ни-че-го.

Кениг уважительно посмотрел на восемнадцатилетнего богатыря. Чего-чего, а такой философии не ожидал от юноши. Впрочем, всегда находились такие, кто остро сознавал краткость человеческой жизни. Юлий Цезарь в свои двадцать лет рыдал, читая жизнеописание Александра Великого: «Он уже в восемнадцать лет начал завоевывать мир, а я старше, но для бессмертия ничего не сделано!»

– И ты тоже, – спросил, неожиданно переходя на «ты», – хочешь строить свою пирамиду?

– Да, – горячо ответил Засядько. – Разум мне дан, чтобы я им пользовался, а не низводил до скотского уровня в оргиях. Скажите, чем закончилась битва у Сиракуз?

– Не помню, – ответил Кениг удивленно.

– Почти никто не помнит, хотя это была крупная битва. И почти никто не знает имен воевавших тогда царей. Зато все знают, что в те дни был убит один совсем незнатный человек по имени Архимед. Память хранит только имена людей, что-то сделавших для человечества, и я мечтаю быть среди тех, кто удостоился этой чести! Простите, если вам показалось, что я недостаточно почтителен к царственным особам... тех времен.

Кениг отмахнулся:

– Царственные особы... были разные. Это сейчас живем... гм... жили в просвещенном веке под рукой всемилостивейшей императрицы Екатерины, уже именуемой Великой. И не зря, можно сказать. Но тогда тем более зачем вам эти упражнения? Если знаете, что только умом и знаниями можно завоевать место в истории? А что значит грубая сила и это нелепое пыряние шпагой?

– Я офицер. Я выбрал дорогу служения Отечеству.

– Сейчас нет войны.

– К тому же я малоросс, – сказал тихо Засядько. – Меня многие задевали, еще когда я поступал в кадетский корпус. Дворянские сынки! Старинные роды, то да се. Я вынужден был научиться давать достойную сатисфакцию.

– Вы – первая шпага училища, – напомнил Кениг, снова переходя на «вы». – И первая сабля. Никто лучше вас не владеет оружием. К тому же, говорят, вы знаете какие-то боевые приемы запорожцев?

– Да, – ответил Засядько неохотно. – Я кое-чему научился еще до поступления в корпус... Но я еще не знаю, буду ли первым в армии!

– Армия велика, – заметил Кениг с улыбкой.

– А дома в огороде я всегда был первым, – сказал Засядько веселым тоном, но Кениг ощутил, что сын казацкого старшины говорит серьезно.

Он слез с подоконника, протянул руку юноше. Тот, помедлив, сжал в своей широкой ладони пальцы преподавателя. Ладонь была шероховатая, а мозоли были твердые, как конские копыта.

– Желаю удачи, – сказал Кениг. – Она понадобится.

– За что обижаете? – ответил Засядько с легкой укоризной. – Я приму только успех.

ГЛАВА 2

Когда колющий удар стал получаться самопроизвольно, без участия сознания, Засядько позволил себе передышку. Было без трех минут шесть вечера. «Надо еще успеть попрощаться с Геннадием Ивановичем», – подумал он.

К одному из кадетов приходил по праздникам и воскресеньям старичок дядька, охотник рассказывать разные истории из жизни подвижников. Александр, как и его товарищи, пристрастился слушать. Старик знал удивительно много. Его память, несмотря на преклонный возраст, хранила уйму сведений и подробностей о жизни отшельников и аскетов. Однажды Засядько в порыве энтузиазма решил даже уйти в монастырь, ибо именно там идут сражения с самым главным противником – Сатаной, но, к его удивлению, старик отсоветовал. Мол, сперва надо воевать его слуг, кои носят человечьи личины, а с генералами Темного Мира надлежит сражаться генералам, а не зеленым кадетам.

Александр бегом помчался через двор. Ноги были сильные, руки крепкие, дыхание не сбивалось, а сердце даже не ускорило ритм. Жизнь хороша!

Старик по обыкновению находился в часовенке. В это время здесь бывало пусто, тем более сейчас, когда выпускники и преподаватели занимались возлияниями в честь Бахуса.

Александр медленно подошел к старику. В часовне было тихо, прохладно, торжественно. Старик сидел в задумчивости, книга покоилась у него на коленях. Он не молился, ибо губы его не шевелились. Просто отдыхал с закрытыми глазами.

Александр вздрогнул, когда старик, все еще не открывая глаз, сказал негромко:

– Зашел проститься, Саша?

– Да... гм... здравствуйте, Геннадий Иванович!

Старик открыл глаза, внимательно посмотрел на юношу. Александр в который раз подивился тому, какое у этого древнего деда одухотворенное лицо. Голова и борода седые, руки с вздутыми синими венами, однако глаза смотрят бодро, просветленно, а голос мощный, словно у молодого парня.

– Это хорошо, что не забываешь, – сказал старик.

– Разве я мог забыть, – ответил Засядько с легкой обидой. – Вы же знаете, как я вас уважаю. Даже в монастырь собирался! Может быть, даже зря не пошел.

– И правильно, что одумался. Это раньше монастыри были единственными хранилищами духовности и светочами знаний. В то время, когда даже короли погрязали в дикости и невежестве и не могли расписаться на собственных указах, монастыри хранили и умножали культуру. Теперь же их усилия увенчались успехом: грамотность и образованность перестали казаться пороком. Посему не обязательно идти в монастырь! Даже нежелательно, ибо теперь в светской жизни человек может для людей и культуры сделать больше...

– Теперь я это понимаю, – ответил Александр.

Старик смотрел очень серьезно. Глаза были глубокие, внимательные. Если тело старело и дряхлело, то душа словно бы лишь набиралась мощи. И это она, мудрая и всепонимающая, сейчас смотрела на него из глубины глаз.

– Иди в большой мир, юноша. Ты силен духом, мир тебя не одолеет. Неси людям убеждение, что дух сильнее плоти, что разум выше скотства, что духовность и наука важнее красивых вещей и сытной пищи...

Александр при слове «наука» вздрогнул, и старик это заметил. У юноши были свои причины, но Геннадий Иванович истолковал его чувства по-своему.

– Да, – сказал он убежденно, – наука и культура! Было время, когда наукой занимались только при монастырях. Многие важнейшие открытия до недавнего времени сделаны монахами. В монастыре Коперник создал свое учение, Кампанелла писал книги, Паскаль занимался

математикой и философией... Но сейчас, когда образование и развитие общей культуры победоносно идут по странам, когда заниматься наукой стало модным, а короли дают на лаборатории и печатанье книг деньги, иди в мир, отрок! Там возможностей больше. И помни: дух силен, плоть немощна.

Он встал и торжественно перекрестил юношу. Александр почтительно наклонил голову, принимая благословение.

– Спасибо, Геннадий Иванович!

– И последнее, что скажу, – сказал старик негромко. – Избегай уходить из мира... не уходя из него внешне.

Засядько вскинул брови:

– А... как это?

– Сейчас многие умные люди хотят улучшить мир. Но все хотят по-своему. Каждый убежден, что прав именно он... а это опасно. Вообще на свете нет ничего опаснее!

– Почему?

– Даже умные люди не все... добрые. Да и добрые могут наделать много зла, когда сочтут неверный путь за верный. А ошибиться легко, ибо что можно наверняка сказать о дороге, что уходит за горизонт?

Он сказал настороженно:

– Геннадий Иванович, я не все понимаю, о чем вы говорите.

– Я говорю об иезуитах, масонах, хлыстах, армагеддонистах, мафусаилистах, скопцах... многих других, которые спешат объявить, что только они знают, как построить царство небесное на земле! Не спеши к ним присоединяться. Ты горяч, можешь увлечься. Посмотри раз, посмотри другой. А на третий раз можешь увидеть то, что они сами не замечают в себе.

– Обещаю, – сказал Александр твердо.

«Мир не настолько велик, – подумал он, – чтобы я его не взял в кулак, как созревший орех. Но нужен сильный дух, дабы идти по нему, а не стоять...»

А плоть он уже укрепил!

Часом позже Засядько, задумавшись, шел по бульвару. Вспомнился разговор с Кенигом. Что придется несладко, знал и сам. Выходец из бедной провинциальной семьи не мог рассчитывать на хорошую должность. Он и дворянином стал лишь благодаря указу, приравнявшему украинскую старшину к российскому дворянству. Но указ указом, однако царские чиновники проводят свою политику.

Все-таки он не дворянин, тем более – не потомственный, не столбовой, и хотя к ним приравнен, но доказывать боярским сынкам приходится кулаками. Пока что кулаками.

Вдруг кто-то свирепо рявкнул:

– Подпоручик Засядько!

Александр щелкнул каблуками и мгновенно вытянулся. За спиной весело засмеялись. Засядько оглянулся и тоже улыбнулся. К нему подходили два друга по корпусу – Балабуха и Быховский. На мундирах у обоих сверкали значки прапорщиков. Лицо Быховского сияло: он искусно подражал голосам старших офицеров и часто пользовался своим умением. Мог говорить самым низким басом, как директор училища князь Дранде, и писклявым дискантом, как преподаватель словесности Богомоллов. А сам был хрупким и легким, словно мотылек.

– Что-о новенького? – спросил Балабуха, растягивая слова. – Как сдал?

В отличие от Быховского это был широкоплечий, мускулистый крепыш с кирпично-красным, будто налитым солнцем лицом, огненно-рыжими волосами, коричневыми веснушками вокруг носа. Глаза у него были ясно-голубые, странное сочетание, но в этих краях неожиданно-негаданно пробуждается то кровь скифов, то берендеев, то исчезнувшей чуди, то вообще стран-

ных людей, населявших земли чуть ли не до потопа. Руки у Балабухи были короткие, толстые и заканчивались увесистыми кулаками.

Александр молча достал свидетельство. Друзья одновременно склонили головы и больно стукнулись лбами. Быховский сморщился и преувеличенно скорбно потер ушибленное место, он-де не такой твердоголовый, а Балабуха принялся читать вслух:

– «...Науку инженерную и артиллерийскую знает превосходно, по-французски говорит и переводит весьма изрядно, по-латыни понимает, а в гистории и географии хорошее начало имеет...»¹

– Счастливчик! – заметил Быховский. – Нам бы такие.

– Ничего, – утешил товарища Балабуха. – Мы еще себя покажем.

– Покажем, – огрызнулся Быховский. – С гатчинцами?

Настроение у всех троих сразу же испортилось. Они пошли дальше молча. Уже год, как умерла императрица Екатерина II, и положение в военном деле сразу же ухудшилось. Несмотря на женскую ограниченность или благодаря ей, императрица имела смелость признавать собственную некомпетентность в ряде вопросов и полагаться на людей более сведущих. В военном искусстве она не стесняла инициативы полководцев – фельдмаршалов Румянцева, Потемкина, Суворова. В результате ее политики русские войска одержали ряд блестящих побед над турками и значительно расширили владения Российской империи на юге.

Зато сменивший ее император Павел... Армия по его приказу надела зауженные немецкие мундиры, солдаты обязаны были носить парики с косичками и буклями. Широкий славянский шаг был сокращен по прусскому образцу. За нарушение строя каждого ждала жестокая кара, а то и смерть под шпирнутенами. Парады стали проводиться ежедневно и нагоняли ужас как на солдат, так и на офицеров.

– Туго нам придется, – проговорил Балабуха озабоченно. – Солдата в случае нарушения ружейного приема ждет кара, а нас – Сибирь. Теперь на парадах солдаты обязаны появляться в длинных темно-зеленых мундирах с красными обшлагами, в длиннющих суконных гетрах и тупоносых ботинках. Сам видел новую форму, клянусь! Да, забыл, еще в белых штанах! Представляете? На голове у каждого сверкает начищенный кивер, из-под него выглядывают букли, а сзади торчит косичка. Я слышал, что для того, чтобы содержать в порядке парики и кивера, приходится вставать ночью, вдобавок начищать две дюжины блях и пряжек!

– Суворов, говорят, сказал: «Пудра не порох, букли не пушка, коса не тесак, а я не немец, а чистый русак».

– Здорово! – восхитился Быховский.

– Здорово, да не очень, – возразил всезнающий Балабуха. – Император вчера дал фельдмаршалу отставку, лишил чинов и сослал в родное имение Кончанское под надзор полицейского чиновника.

Засядько попробовал утешить приунывших друзей:

– Ничего... Парады парадными, а как дойдет дело до войны, то куда вся эта мишура и денется. Что ни говори, а пудра и в самом деле не порох. А коса не тесак.

– Дай Бог нашему теленку да вашего волка съесть, – недовольно буркнул Балабуха.

– А как князь Голенищев-Кутузов писал по Бугскому егерскому корпусу, – засмеялся Быховский и с удовольствием процитировал, гордясь своей безупречной памятью: – «Приемами много не заниматься, учить без лишнего стука и так, чтобы ружье от него не терпело...»

Середину улицы занимала громадная лужа. Прохожие опасливо жались к заборам, боясь попасть под брызги или копыта лошадей, подгоняемых лихими извозчиками. Балабуха и Быховский обошли ее по кромке, а Засядько лихо перепрыгнул.

¹ Здесь и далее подлинный текст документов. Ознакомиться с ними в полном объеме можно в Военно-историческом архиве (замок Лефорта в Немецкой слободе) и Военно-историческом музее в Петербурге. (Примеч. изд.)

– Теперь и Кутузова отстранят, – сказал Балабуха.

– Вряд ли, – возразил Засядько. – Кутузов – опытный политик. С двором ладить умеет.

– Он со всеми умеет, – хмыкнул Быховский. – Хитрая лиса...

Балабуха и тут не упустил случая блеснуть своей осведомленностью:

– Вчера Кутузова послали в Берлин договариваться о совместных действиях против революционной Франции. Довольно легкое дело, ибо Пруссии выгодно вступить в коалицию с Россией, Англией и Австрией. Все они панически боятся Франции. Помяните мое слово, нам еще придется драться с французами!

Быховский угрюмо подтвердил:

– Да, с запада пахнет порохом.

Впереди раздался грохот сапог. Из-за поворота показалась колонна солдат. Одинаковые, в темно-зеленых долгополых сюртуках и белых гетрах, напудренные, завитые, они были похожи на оловянных солдатиков – излюбленную игру короля Фридриха и российского императора Павла. Солдаты шли, не сгибая коленей, поднимая высоко ноги и со стуком опуская их на вытянутые ступни.

Балабуха, который с первого же дня возненавидел прусские порядки, разозленно сплюнул. Разукрашенные, как попугаи, солдаты уже не выглядели солдатами. Быховский толкнул друга в бок и сказал примирительно:

– Не сердись. Умей находить в жизни и хорошее.

– А ты сам в ней что-то видишь хорошее?

– Вижу.

—Что?

– А посмотри в ту сторону... Во-о-он там коляска! Разве не ангел сидит в ней в окружении гарпий?

Со стороны площади, весело постукивая колесами, двигалась элегантная закрытая коляска. Ее легко и гордо везла четверка вороных. Быховский с досады сгустил краски: две пожилые женщины, находившиеся в ней, вовсе не были похожи на гарпий, однако их спутница, миловидная девушка лет шестнадцати, и в самом деле напоминала ангела с рождественских открыток.

Засядько никогда раньше не видел такое безукоризненно правильное лицо с большими ясными глазами и доброй улыбкой. Девушка смотрела на мир открыто и радостно, лицо ее было милым и прекрасным.

Кучер взял чуть левее, пропуская колонну солдат. Молоденький офицер, который вел отряд, молодцевато отсалютовал обнаженной шпагой прекрасной незнакомке. Затем обернулся к солдатам и подал какой-то знак. Через мгновение раздался душераздирающий рев труб и грохот барабанов: заиграл полковой оркестр.

Три друга вздрогнули от неожиданности. Быховский, оправившись от испуга, пошарил взглядом по земле, словно высматривал булыжник. Балабуха выругался и схватил товарища за локти, указывая на коляску.

Когда трубы взревели во всю мочь, обе женщины выронили из рук свертки. Еще больше прусский марш подействовал на простых русских лошадей. Они вздыбились и рванулись вперед с такой силой, что кучер не удержался и скатился с козел. К счастью, колеса его не задели, когда неуправляемая коляска понеслась подальше от страшного грохота. Кони храпели и закатывали глаза, на удилах сразу появились клочья пены, будто проскакали несколько верст.

– А, черт... – проговорил побелевший Быховский. – Разобьются ведь!

—А нас задавит!

Коляска неслась почти на них, друзья едва успели отпрыгнуть в стороны. Засядько чуть помедлил. Первым его движением было вцепиться в удила взбесившихся лошадей и остановить, но в памяти вдруг непроизвольно всплыла сцена из недавно прочитанного сентименталь-

ного романа: герой подобным образом спасает девушку, затем следует любовное объяснение, женитьба...

Лошади промчались мимо. Однако в следующее мгновение он, устыдившись своего замешательства, откинулся всем корпусом назад, напряг мышцы ног и ухватился за заднее колесо. Рывок назад! Ноги пропахали две борозды, затем коляска дернулась – лошади остановились. Александр перевел дыхание, отряхнул ладони и поспешно отступил к забору. К нему подбежали побледневшие друзья.

– Геркулеса из себя строишь? – напустился на него Быховский. – Тебя могло бы размазать по мостовой!

Балабуха укоризненно покачал головой, бросился к коляске.

«Геркулес, – подумал Александр, глядя вслед Балабухе. – И ты смог бы остановить, если бы осмелился ухватиться за колесо. Я еще в детстве так баловался. Увидишь, что казак везет подводку сена, подкрадешься сзади и – цап за колесо! Уж он и «гэй», и «цоб», и кнутом перетянет беднягу лошадь, пока не догадается оглянуться... Когда подрос, наловчился останавливать на полном скаку. Нужно только не бояться, преодолеть свой страх...»

– Молодой человек! – позвала из коляски дрожащим голосом одна из женщин. Рядом с ней стоял Балабуха и что-то объяснял, отчаянно жестикулируя, словно изображал битву русских с турками. – Молодой человек, подойдите, пожалуйста...

Засядько притворился, будто не слышит, и, схватив Быховского за локоть, потащил в первый попавшийся переулок. Ошеломленному прапорщику удалось вырваться из железных пальцев друга лишь за поворотом.

– Пусти, леший! Ровно клещами сдавил. Ты чего?

– Мне только благодарностей не хватало. И так запахло сантиментами. Не-е-ет, это не для меня!

– Тебе все равно не избежать их.

– Почему?

– Там остался Балабуха. Он наверняка распишет тебя Георгием Победоносцем, попирающим змия.

– Голову оторву, – пообещал Засядько. – Благодарности обязывают. А зачем это мне? Завтра соберу баул и – фють! – уеду на место прохождения службы. Скорей бы...

– А если зашлют в какую-нибудь Тмутаракань?

– Хоть к черту на рога. Зато обрету самостоятельность. Наконец-то займусь и отцовским делом...

– Отцовским? – переспросил Быховский.

– Да... Вернее, по наказу отца. Было когда-то на Сечи грозное оружие: боевые – да, боевые! – ракеты. Ими в тысяча пятьсот шестнадцатом году казаки гетмана Ружинского разгромили орду Мелик-Гирея. Тех было намного больше, однако ракетным ударом удалось уничтожить всех до единого. Никто не спасся. Так, по крайней мере, рассказывает мой отец. Ну, к рассказам ветеранов об их подвигах надо относиться осторожно, я уже попадался на эту удочку... но все же нет дыма без огня.

– Ух ты! – выдохнул Быховский. Его глаза загорелись. – А что потом? Почему сейчас нет такого оружия?

– В последующих боях погибли казаки, владевшие им. С ними погиб и секрет ракетного оружия. Ведь не было ни записей, ни теории... Мой отец пытался раскрыть его тайны, да знаний не хватило. Может, только поэтому и отдал меня в кадетский корпус на артиллерийское отделение, чтобы я подучился наукам. Вот так... Ну, ты прости, мне пора.

– Снова упражняться?

– Да. Час на фехтование, потом буду в библиотеке.

– А там зачем?

– Хочу просмотреть новые журналы по баллистике. Из Франции поступили, там эта наука пошла развиваться вширь и вглубь.

– Не понимаю, – удивился Быховский. – У тебя в кармане документы об окончании корпуса. К тому же ты и так лучше всех знаешь артиллерию и баллистику!

– Лучше всех где?

Быховский удивился:

– Здесь, в училище.

– К счастью, есть мир и за стенами училища. Как ты думаешь? К тому же я уверен, что Бонапарт и Кутузов, тоже окончившие артиллерийские корпуса, занимались и помимо программы.

– Так то Бонапарт!

– Разве их усердие не дало плоды?

– Завидую тебе. Я бы не смог так себя мучить. Грызть гранит науки в то время, когда можно грызть пирожное из рук хорошеньких воспитанниц пансиона благородных девиц!

Засядько улыбнулся:

– Я не мучаю себя. Мне и в самом деле приятнее грызть гранит науки, как ты выразился, чем расшаркиваться перед нафуфыренными барышнями, изображая из себя галантного кавалера. Ну, будь здоров!

Он кивнул и пошел быстрым шагом к корпусу, здание которого уже виднелось над верхушками каштанов.

ГЛАВА 3

В зале для фехтования было пусто. Кадеты младших классов праздновали окончание занятий, а выпускники отмечали присвоение офицерских званий. Александр почувствовал облегчение. Он не любил зевак, толпятся и сопят за спиной, когда он исходит потом, работая со шпагой. Изображая равнодушного, на самом деле не был таким, повышенное внимание тяготило. И если бы только повышенное внимание! Но подают советы, поучают, а сами только и умеют, что гордо держать ладонь на эфесе.

Сбросил камзол, засучил рукава и выхватил шпагу. Рра-а-аз!.. Хорошо, но можно лучше. Рра-а-аз!.. Хорошо, но можно еще лучше. Рра-а-аз!.. Хорошо, но предела совершенствованию нет, можно еще и еще лучше... А раз можно, то значит – нужно.

Он не слышал, как в зале хлопнула дверь. Кто-то вошел, постоял минуту, наблюдая, затем подошел ближе. Это был Кениг.

– Все еще занимаетесь? – удивился он. – А когда обедали? Ах, делали перерыв? Все равно, ваше трудолюбие удивления достойно. Давайте присядем, юноша, у меня есть новости.

Кениг сел на подоконник, жестом велел Александру сесть рядом. Лицо подполковника чуть осунулось и пожелтело, словно все это время он провел в накуренной комнате. С тех пор как Петр Великий ввел в употребление табачное зелье, в департаментах и офицерских собраниях стало модным не расставаться с трубками.

– Закончилось заседание комиссии по распределению, – объяснил Кениг. – Гнусность. Меня наверняка пригласили участвовать только из-за иностранного происхождения. Дескать, не будет проталкивать своего протеже. Просто некого.

Засядько с бьющимся сердцем примостился на подоконнике рядом с подполковником. Распределение! Завтра-послезавтра каждый выпускник получит на руки назначение, но уже сейчас Кениг может приподнять краешек занавески над всех интересующей тайной.

– У меня не выходит из головы прошлый наш разговор, – признался Кениг. – Вы говорили, что будете жить в полную силу. Как это понимать?

Александр прямо взглянул в лицо преподавателя:

– Я понимаю, что вы хотите спросить. Нет, я не буду жить для собственного удовольствия. Я слишком хорошо помню, что я лишь один из людского рода. Люди – мое племя, и я обязан сделать все для его процветания. Посему я приложу все усилия, чтобы род человеческий возвышался над всеми тварями, а также и над прочими разумными существами, буде они окажутся в других мирах!

Кениг помолчал, потом сказал глухо:

– Удивления достойно...

– Что?

– Слышать такое дивно. От восемнадцатилетнего юноши. Вы, Александр, просто не от мира сего. Такие долго не живут. Или, скажем мягче, Господь их настолько любит, что забирает к себе рано.

Засядько похлопал по эфесу:

– Тому, кто придет за моей душой, тоже придется вспотеть.

Кениг усмехнулся, но глаза оставались серьезными:

– Трудно вам придется, Засядько. Ведь у вас нет влиятельных родственников? А для успешной карьеры необходимы прочные связи. Все на этом держится. Связи, родственники, вельможные покровители... Почти каждый воспитанник пользуется протекцией. И поступали сюда по протекции, и получили распределение по протекции. Туда, где можно быстро сделать карьеру. В Санкт-Петербург, на худой конец – в Москву. Или за границу. За вас никто не вступился на совете во время распределения. И это сказалось...

– На чем? – тревожно спросил Александр.

– Для вас места в Санкт-Петербурге оказались закрытыми. Их уже заранее распределили между отпрысками титулованных ничтожеств. В ход были пущены взятки, нажим, высочайшие указания...

Он замолчал, и Засядько спросил осторожно:

– А куда я?

– В глушь – в десятый батальон, квартирующийся в Херсонской губернии. Где-то среди степей.

Засядько, опустив голову, задумчиво покусывал верхнюю губу, на которой уже пробивались черные усики.

– Жаль, конечно... Собственно, в столицу я и не рвался. Что мне там? Балы, светское общество, придворный мир... Всего этого я и так лишен из-за невысокого происхождения. А вот то, что не получил назначения куда-нибудь за границу, жаль...

– Жаль, – подтвердил Кениг. – Правда, Петербург вы тоже недооцениваете. Там не только балы и светское общество. Высший генералитет тоже там. В этом проклятом мире зачастую достаточно красиво поднять слетевшую с генерала шляпу, чтобы получить повышение в чине!

Засядько расхохотался. Смеялся он весело и заразительно, так что и хмурый Кениг тоже не удержался от улыбки. Но он тут же согнал ее с лица и продолжил так же строго:

– А вам нужно годами подвергать себя смертельной опасности, питаться из солдатского котла, жить едва ли не в одном помещении со свиньями! А бывшие прапорщики, попав в Петербург, тем временем станут получать чины.

Засядько молчал. Кениг быстро спросил:

– Вам нравится такое положение вещей?

Юноша сдвинул брови, некоторое время раздумывал, потом ответил уклончиво:

– Наши государи установили разумный порядок, и я не вижу в нем изъянов.

Кениг досадливо крикнул. Затем сказал с кривой усмешкой:

– Правильно, Засядько. Молодец! Как говорят в России: не говори, что думаешь, а думай, что говоришь. Иначе не сносить головы. Мне в этом отношении легче: я – иностранец. Впрочем, вольнодумство иностранцев тоже должно иметь границы. Вольтерьянство в России постепенно выходит из моды... А все-таки как ты относишься к франкмасонам?

Вопрос был настолько неожиданный, что Засядько только удивленно посмотрел в лицо подполковника. Наконец, видя, что тот ждет ответа, пожал плечами:

– Фармазоны? Говорят в училище о них разное... Я просто не знаю, кто они и чего хотят на самом деле. Так же, как иезуиты или другие... И почему замыкаются в тайные общества.

– Ну, это объяснить просто, – ответил Кениг с усмешкой. – Человек силен другим человеком! А когда он не один, то сила каждого утраивается. Господь создал человека стадным животным! Да и есть в таких обществах нечто от мальчишества, ибо всякому сладостен покров тайны. Взрослые люди тоже любят играть. Но, собравшись в эти общества, связанные единой клятвой, они все же, не щадя сил, стараются улучшить мир... А то, что делают тайно, служит двум целям. Во-первых, они тем самым не получают никакой выгоды, их даже не похвалят, а это важно для чистоты помыслов, а во-вторых, вся темная чернь, а это как простолюдины, так и вельможи, хочет сидеть в своем болоте и не желает идти ни к какому светлому будущему!

Засядько после паузы сказал осторожно:

– Но я слышал... масоны тайно помогают друг другу...

– Только в интересах дела, – заметил Кениг.

– Но помогать лишь членам братства, а с их помощью обходить в карьере более достойных – не является ли сие безнравственным?

Кениг поморщился:

– Что значит «более достойных»? Ежели человек честен, это еще не значит, что он хорош и его надо тащить наверх. У меня кухарка честна и добродетельна, но дай ей управлять государством – Россия кровью захлебнется! А масоны помогают только умным и деятельным, чьи помыслы направлены на построение мира добра и справедливости! И таких людей они привлекают отовсюду.

Засядько прямо встретил испытующий взгляд Кенига:

– Спасибо за предложение. Но я не боюсь глуши. Если на то пошло, то я сам родом из глуши.

Кениг соскочил с подоконника:

– Ладно, оставим это... Давай попрощаемся, рыцарь! Или лыцарь?

– Лыцарь, – подтвердил Засядько с усмешкой.

Кениг по-отечески обнял Александра, сказал с чувством:

– Если не сгорят твои крылья, сделаешь много славных дел. Счастливого тебе полета, молодой орел!

Вечером Александр в полном одиночестве собирал вещи в небольшой узелок. *Omnia mea tecum porto*, то есть все свое ношу с собой, как учит латинская пословица. Пусть другие обзаводятся сундуками и баулами. Философу и воину лишние вещи ни к чему. И так мир идет по неверному пути: человек обзаводится все новыми и новыми вещами, хотя конечной целью цивилизации является развитие самого человека, накопление духовных, а не вещественных благ...

Не успел собрать вещи, как в дверь постучали. Это был дежурный по этажу.

– Засядько, – сказал он бесстрастно, – спуститесь вниз. К вам пришли гости.

– Ко мне? – удивился Александр.

– К вам.

– Но у меня здесь нет знакомых...

– Поторапливайтесь!

Засядько поправил пояс и заспешил вниз. В зале, в креслах для почетных гостей, сидели две женщины. Прежде чем он узнал их, одна из них поднялась, протянула руки:

– Вот он! Вот этот мужественный юноша!

Александр от неожиданности растерялся. Вторая дама уже расцвела улыбкой и тоже поднялась ему навстречу.

– Вы герой! – сказала первая дама. – Я попрошу директора корпуса, чтобы вас отметили за мужественный поступок. Мой муж, узнав о случившемся, велел пригласить вас сегодня вечером на чай.

– Покорнейше благодарю, – ответил Засядько глухо. – Однако я вряд ли смогу. Нам не дозволяется без соизволения.

– Какое соизволение? – удивилась первая дама. – Да ваш директор всегда в таких делах идет навстречу!

– Не знаю, – ответил он угрюмо и растерянно.

Он злился и презирал себя за малодушие, не позволявшее ответить пожестче, чтобы дамы обиделись и ушли.

– Дежурный офицер обещал нам, что освободит вас от дел, – сказала первая дама.

Вторая, судя по всему, менее разговорчивая, молча взяла Александра за локоть и легонько подтолкнула к выходу.

– Кстати, меня зовут Мария Степановна, – тараторила первая, – а это моя кузина Елизавета Павловна...

– Александр Засядько, – представился юноша, увлекаемый к двери.

– О, какое красивое имя! Оно очень подходит вам. Александр – значит мужественный защитник людей. Помню из учебника истории, что в войске Александра Македонского был воин по имени Александр, который боялся сражений. Македонский подозвал его и сказал: «Или перестань бояться, или смени имя». А вам не придется менять героическое имя. Да вы, судя по фамилии, украинец?

– Да. Из села Лютенка Гадячского уезда.

– Так мы же почти земляки! Елизавета из Полтавы, это вблизи вашего уезда, а я живу под Харьковом...

У подъезда их ждала закрытая карета. Засядько взглянул на позолоченные ручки дверей и стенки, покрытые филигранью, и сделал последнюю попытку избежать визита, но Мария Степановна решительно подтолкнула его внутрь и взобралась следом.

Сиденья были покрыты персидскими коврами, тускло блестела слоновая кость поручней. Засядько сел, покоровшись судьбе. За годы учебы в корпусе еще ни разу не бывал дома у богатых товарищей-горожан. Не то что не приглашали, пытались затащить чуть ли не силой, но избегал. Не хотелось выказывать свою бедность, явно же будут похвастаться роскошью, показывать портреты знатных предков. Не объяснишь же, что он сам – знатный предок?

Карета качнулась: на запятки вскочили лакеи. Одетый кричаще пышно, ну просто заморская птаха попугай, кучер прикрикнул на лошадей. Сиденье под ним мягко качнулось. Засядько покосился в раскрытое окно. Карета мчалась с большой скоростью, происшествие вроде бы не отбило охоту ездить быстро. Елизавета Павловна смотрела на юного героя с любопытством и материнским участием, а Мария Степановна продолжала без умолку тараторить:

– ...И сейчас бы мы жили под Харьковом, если бы не замужество. А вот Ксанка раньше ни разу не бывала в Малороссии. Это первый раз ее взяли с собой. А где вам больше нравится: в Малороссии или в Петербурге?

К счастью, карета пошла медленнее, остановилась. Лакеи распахнули дверцы, и это позволило Александру увильнуть от ответа.

Перед ними возвышалось огромное, богато отделанное лепными украшениями здание, почти дворец. От него ощутимо веяло богатством, знатностью, которые владельцы стремились продемонстрировать всякому и каждому. В нишах стояли статуи, помесь греческого со славянским, карнизы поддерживали кариатиды с торсами геркулесов, даже исполинские вазы с цветами были изукрашены сценами из Троянской войны.

Засядько стал подниматься по широкой мраморной лестнице вслед за Марией Степановной. Вторая дама немного задержалась, мягким голосом, словно стесняясь, отдавала распоряжения кучеру и лакеям.

В гостиной пахло восточными благовониями, недавно вошедшими в моду, но Засядько уловил в них привычные запахи местных степных трав. Обитая зеленым штофом мебель блистала как золото, изящно выполненные ручки были из серебра, а паркет был натерт воском до такой степени, что Засядько остановился на пороге в нерешительности.

Натирать паркеты воском вошло в моду недавно. В кадетском корпусе, смеясь, рассказывали, как фельдмаршал Суворов, войдя к императрице, поскользнулся как на льду и, размахивая руками, хватался за придворных, дабы не упасть, срывал с вельмож парики, у женщин хватался за декольте и с треском расширял эти модные вырезы до трусиков, кого доводя до обморока, а кого из женщин и втайне радуя, давая возможность явить свои прелести всем мужчинам сразу...

– Прошу вас, – сказал почтительно дворецкий.

Засядько, стряхнув оцепенение, двинулся по скользкому как лед паркету.

Они миновали один зал, затем второй. Засядько уже думал, что его поведут по всему великолепию, даже спустятся в подвалы и взберутся на чердак, дабы похвастаться, но в тре-

тьем навстречу им выбежала та самая миловидная девушка, которая была в коляске. Увидев Александра, она немного смутилась, но быстро справилась с собой и храбро шагнула вперед.

– Ксанка, – заговорила Мария Степановна патетически, – вот он, наш спаситель!

Засядько с досадой почувствовал, что краснеет. Девушка смотрела на него восторженными глазами. От нее шел аромат чистоты и свежести, глаза были ясные, блестящие, как у дорогой куклы.

– Папа велел накрыть стол в красной столовой, – сказала она тихо. – Пойдемте, я провожу вас...

Голос ее удивительно гармонировал со всем ее обликом. Он был такой же чистый, ласковый и теплый. В нем слышались нежность, участие и понимание.

Александр, ступая словно деревянный, пошел в указанном направлении. Рядом что-то увлеченно рассказывала Мария Степановна, поддакивала подроспевшая Елизавета Павловна. Похоже, обе рассказывали о том, о чем всегда говорят ничемные люди, у которых своего ничего нет: о великих предках, о старинном дворянском роде, даже княжеском, голубой крови.

В огромной красной столовой Александра усадили в кресло. Появился лакей, похожий на генерала, быстро и ловко застелил скатертью стол. Еще два лакея, младших по рангу, принесли целую гору пирожных, расставили чашки, положили серебряные ложечки.

«Быховского бы сюда, – подумал Засядько. – Того хлебом не корми, дай только повращаться в светском обществе. Правда, этот сынок кошевого поиздевался бы над ними всласть. И все с улыбочками, комплиментами».

Мария Степановна сказала значительно:

– Сейчас придет Юрий Николаевич. Он в кабинете. У этих военных всегда дела...

Через несколько минут бесшумно распахнулась дверь, мелькнула ливрея лакея. В столовую вошел грузный мужчина с красным лицом. Засядько быстро взглянул на трехцветный шарф с золотыми кистями, нагрудный знак и шпагу с вызолоченным эфесом. «Ого, полковник!»

Александр вскочил, вытянулся. Полковник благосклонно кивнул, позволяя сесть, и сам опустился в приготовленное кресло напротив. Женщины смотрели на него выжидательно.

– Слышал о вас, юноша, – сказал полковник густым хриловатым голосом. – Вы сильный и храбрый человек. К тому же, насколько я понял из данной вам характеристики, и в науках преуспеваете?

«Откуда он знает, – подумал Засядько с некоторой тревогой. – Ну, пригласили в гости, напоили чаем, угостили пряником, ну и хватит... А в мои характеристики пошто лезть?»

– Стараюсь в меру сил, – ответил он, снова порываясь вскочить. Полковник милостивым жестом разрешил ему не вставать.

– Услышав о вашем подвиге, – сказал он, – я тут же сделал в училище запрос. Одни похвалы! Однако... вас посылают в глушь... Дороги в крупные гарнизоны, а тем более в столицу для вас оказались закрытыми.

– Меня посылают туда, где я буду наиболее полезен Отечеству, – ответил Засядько. Он держался настороже. – А я постараюсь служить достойно, куда бы меня ни послали.

– Гм... ладно, оставим это. Вам дана отличная рекомендация, и если умело ею воспользоваться...

Краем глаза Засядько видел, как просияли обе женщины, а Ксанка радостно заулыбалась. На всякий случай он притворился непонимающим.

– ...Если умело ею воспользоваться, – повторил полковник с расстановкой, – то можно сделать неплохую карьеру. Назначение в Херсонскую губернию можно отменить. В моих силах добиться вашего перевода в дополнительный класс. Останетесь еще на годик, осмотритесь, найдете занятие по душе...

«...И буду выпущен в следующем чине, – продолжил его мысль Засядько. – Буду поручиком. Неплохо! Здесь начинает разыгрываться какой-то слащавый спектакль. Благородный юноша из бедной семьи спасает молодую красивую девушку из богатого и знатного рода, ее родители помогают его карьере...»

Он украдкой взглянул на Ксанку. Она не спускала с него глаз. Дамы тоже смотрели ласково. Полковник с довольным видом откинулся на спинку кресла. Глаза его смеялись, он не сомневался в ответе. Как, похоже, не сомневались ни обе женщины, ни очаровательная Ксанка.

– Отечество посылает меня на дальние границы, – ответил Засядько. Лучше прикидываться дураком, чем грубым невеждой. – Отечеству виднее, где я буду полезен больше.

Полковник разразился гулким смехом большого начальника:

– Хо-хо-хо! Не Отечество посылает, хотя это рано говорить такому юному и чистому юноше. Всего лишь люди! А людям свойственны как ошибки, так и многое иное...

«Штабс-капитан, – подумал Засядько невольно, – смеется на октаву ниже: ха-ха-ха. А всякая мелочь, вроде писарей, так и вовсе рассыпается мелким горошком: хи-хи-хи. А мне по чину надо вовсе сидеть с закрытым ртом. Как на дне морском».

Полковник с удовольствием смотрел в чистое одухотворенное лицо юноши. Честен, чист душой. Как хорошо держать таких подле себя! Такой никогда не предаст, не украдет, не солжет. Отечество крепко такими сердцами, и любой знатный вор и казнокрад, страшась себе подобных, окружает себя людьми с такими честными глазами.

– Ошибки надо исправлять, – изрек полковник снисходительно. – Опять же на пользу государю императору и Отечеству. Зато здесь сразу же будете назначены преподавателем в соединенной солдатской школе. Она находится при основной дворянской школе, вы наверняка видели ее корпус. Покамест займетесь детишками солдат, а потом, даст бог, перейдете и в кадетский корпус, воспитанником которого являетесь. Постарайтесь не упустить возможность. Другие бы обязательно воспользовались!

«Быховский бы воспользовался, – подумал Засядько. – Он службы в полевых избегает, как черт ладана. А тут вдобавок светит еще и возможность быстрой карьеры...»

– Ваше предложение, – ответил он вежливо, – для меня большая честь. Не знаю, достоин ли.

– Достоин, – сказал полковник благодушно.

Он оглянулся на женщин. Те закивали, расцвели одинаковыми улыбками. Ксанка тихонько вздохнула, на нежных щеках играл жгучий румянец.

– Это уж позвольте нам судить, – сказала Мария Степановна веско. Она оглянулась на Елизавету Павловну. Та молча кивнула, не разжимая рта. Возможно, у нее были очень плохие зубы. – Мы повидали многих людей... Разбираться умеем!

Ксанка стрельнула в него глазами, смутилась, жгучий румянец с ее щек перетек на шею, жарко запылали уши. Засядько ощутил себя припертым к стене. Его дожали, утопили в патоке. И если он не хочет стать куклой в их руках, то надо сопротивляться. Пусть даже покажется грубостью. Пусть даже будет ею.

– В любом случае, – сказал он как можно тверже, – я хотел бы сначала послужить по месту назначения.

Полковник нахмурился. Мария Степановна всплеснула руками, ее кузина удивленно вскинула длинные ресницы: какой гордец выискался! Да разве ж можно отвергать руку, протянутую старшими? Ксанка метнула быстрый взгляд на юного подпоручика и опустила голову. Румянец стал быстро покидать ее пухлые щеки. В огромном зале резко похолодало, вот-вот пойдет снег.

Полковник пожал плечами. Аккуратно допив чай, он в мертвой тишине выудил из внутреннего кармана швейцарский брегет, щелкнул крышкой, с глубокомысленным видом собрал на лбу складки.

– К сожалению, должен откланяться. А вы, Засядько, подумайте над моим предложением. Подумайте спокойно, без предвзятости. Посоветуйтесь со старшими. Обязательно посоветуйтесь! Учтите, другие выпускники лишены возможности остаться. А теперь, Ксанка, проводи нашего дорогого гостя.

Девушка порывисто поднялась. Судя по ее лицу, прерывистому дыханию, переживала и за себя, и за подпоручика. Не меньше его ждала, когда закончится мучительный разговор. Не хочет этот гордец их покровительства – и не надо! Наверное, у него и дама сердца уже есть...

Засядько вышел в ее сопровождении на внутреннюю мраморную лестницу и, прежде чем спуститься вниз, задержался, чтобы попрощаться.

Девушка, поборов застенчивость, спросила тихим прерывающимся голосом:

– Послушайте, Геркулес, почему вы не хотите остаться? Перед вами дорога в Петербург. В Петербург, понимаете? В Северную Пальмиру. Вам не придется мерзнуть в степях, голодать, терпеть лишения. Вы хоть понимаете, от чего отказываетесь?

Засядько серьезно смотрел ей в глаза. Девушка была очень красива. Где-то внутри слабо зазвенела незримая струна. Любовь... Цветы... Птицы... Этот ангел создан для того, чтобы его любили, писали ему стихи, наслаждались его присутствием. А взамен счастливый избранник получит самую светлую и преданную любовь, верность, чистоту... Почему бы и нет? Ему уже восемнадцать лет. Ей – шестнадцать. Что может быть лучше союза двух юных и чистых сердец?

Есть дела поважнее любви, сказал он себе твердо. Служба Отечеству – разве не главное для мужчины? Не достойнее жить под свист пуль и вой пролетающих мимо ядер?

– Вы назвали меня Геркулесом, – ответил он медленно. – А ведь Геркулес... тогда он жил еще в Элладе и звался Гераклом, когда ему исполнилось восемнадцать лет, тоже стоял на распутье и мучительно выбирал жизненный путь. В это время к нему подошли две женщины: Добродетель и Изнеженность. Одна предложила долгий и трудный путь к славе, посулила тяготы, лишения, опасности, тревоги. Вторая обещала самые изысканные радости, пиршества, наслаждения. Геракл заколебался... но все же выбрал трудную дорогу к славе. А что бы мы знали о Геракле... да и о Геркулесе тоже, если бы он предпочел жизнь, полную наслаждений?

Он почтительно поцеловал ее детские пальчики и хотел было сбегать вниз по широким мраморным ступенькам, но девушка остановила, щеки снова разругались, а голосок зазвенел:

– Почему же все стремятся к спокойной жизни? Да еще полной наслаждений? Ведь стремятся же!

– Не все, – ответил он, стоя ступенькой ниже.

– Да, вы не стремитесь, но вы не правы! Выходит, что все шагают не в ногу, один вы идете в ногу?

– Бывает и так, – ответил он упрямо. – Это именно тот случай, когда прав один, а не рота. Но даже те, кто достиг спокойной жизни, счастливы ли они? Однажды мой дядя, запорожец, пустился в воспоминания молодости... Лихие набеги на турецкий берег, жаркие схватки с татарами, стычки с польскими отрядами, походы за зипунами на ту сторону моря... Несколько раз рассказывал, как добывал железом и кровью в Речи Посполитой невесту. Я слушал-слушал и спросил однажды: «А что было потом?» Никогда не забуду, как дядя недоумевающе посмотрел на меня, пожал плечами и ответил: «Потом уже ничего не было». Подумал и повторил совсем грустно: «Потом ничего не было». Меня такой ответ потряс до глубины души.

– Почему?

– Да потому, что с того момента, как дядя добыл невесту, прошло сорок лет! Сорок лет жизни. А для дяди «ничего не было». Он все это время жил как в сказке, жил-поживал да добро наживал.

– Что ж тут плохого? – сказала девушка укоризненно.

– Ничего... Но почему то время, когда он голодал в походах, мерз в засадах, подвергался смертельной опасности в боях, почему то время он вспоминает с нежностью? Может говорить о нем часами. Вспоминает все новые и новые эпизоды. Может быть, то и была настоящая жизнь? А потом началось сытое, но унылое существование?

– Такое суждение не может быть верным, – сказала упрямо девушка. – Правда всегда на стороне большинства!

– Не знаю... Человек сам себе выбирает дорогу. Так меня учили в Сечи!

– Здесь не Запорожская Сечь, – напомнила она с вызовом. – Здесь цивилизованный мир!

– Зачем мне такая цивилизация, когда за меня будут решать каждый шаг? Во что тогда превратятся мужчины?

Она смотрела на него с ужасом:

– Вы... вы дикарь в мундире офицера!

– Вы даже не представляете какой, – подтвердил он с готовностью.

Он почтительно поцеловал девушке руку, сбежал вниз и скрылся за массивными дверьми.

ГЛАВА 4

Гадалка с удовольствием взяла широкую ладонь молодого красивого офицера. Линии жизни были резкими, четкими.

– Ой, какая странная и удивительная жизнь... – сказала она нараспев. – Вот с обнаженной шпагой на белом коне... вот в пламени пожара прыгаешь с высокой башни... спасаешь женщину, очень красивую... У тебя вся грудь в боевых орденах и в звездах с алмазами...

Друзья хохотали, заглядывали в ладонь Александра, стучаясь головами. Балабуха сказал весело:

– Это что, ты скажи нам, на ком он женится?

Гадалка снова всмотрелась в широкую ладонь с твердыми бугорками мозолей:

– У него будет очень красивая невеста... Их сердца вспыхнут любовью... Их брак будет счастливее всех на свете... Они проживут долгую жизнь, полную любви и счастья, у них будет восьмеро детей... Все мальчики!

Быховский хохотал, ткнул смущенного Александра кулаком в бок:

– Слышал? Восемь сыновей! Ну гигант... Завидую!

А Балабуха сказал внезапно:

– А какого цвета глаза у его невесты? Голубые?

Он прикусил язык, подсказал сдуру, но гадалка раскинула карты, покачала головой:

– Нет, у нее серые глаза.

– Не может быть, – запротестовал Балабуха. – У нее должны быть прекрасные голубые глаза!

Гадалка снова раскинула карты, нахмурилась, перетасовала колоду, разбросала по-другому. Голос ее стал резким и неприятным:

– Я не знаю, что вы хотите, но против судьбы не идут даже короли... И не только карточные. У его любимой глаза серые! Удивительно красивые, прекрасные, но серые. И еще у нее будет много поклонников... Да-да, на ее руку претендентов окажется чересчур много. Она не бывает здесь в столице... пока что не бывает... ее можно будет встретить только далеко на юге. Но сердце ее будет отдано только вам!

– Она богата? – спросил Балабуха.

– Увы, нет... Но вот еще одна странность... Здесь сказано, что она будет любить вас намного дольше, чем вы ее... но вы проживете в любви и счастье всю жизнь вместе... и умрете в один день!

Александр бросил монету в подставленную ладонь, обнял друзей за плечи. Они пошли по пыльной улице, все равно прекрасной, потому что все трое молоды, чисты и полны отваги.

Быховский оглянулся, засмеялся:

– Когда сама гадалка признается, что не понимает своих карт... я начинаю ей верить!

– Гадалке? – изумился Балабуха.

– А что? Вот когда начинают тараторить без запинки, говорят всем одинаковое... А тут сама удивилась. Вы поженитесь и проживете жизнь в любви, умрете в один день, все как в сказке, но жена будет любить тебя намного дольше! Есть над чем поломать голову.

Александр засмеялся:

– Вот и ломай, если к тому склонен. А я смотрю в другой мир. Там свищут пули, там сходятся грудь в грудь на поле брани, там я сердцем своим закрываю дорогу на Русь супостатам!

Херсонщина встретила пыльными ветрами, зноем, гулом и разношерстьем цыганских шатров. Он явился по месту назначения с трепетом, но, как оказалось, самую суровую муштру задавал себе сам. Главная беда была не в строгости новых правил, установленных новым импе-

ратором, а в однообразии и монотонности. Даже молодые офицеры спивались, проигрывали в карты свои имения, жалование, украшения своих женщин. А то и самих женщин.

Засядко сдерживал горькую усмешку, но в душе разгорался гнев. Всем плохо, но не все же теряют человеческое обличье даже в такой глуши?

Его зазывали сходить к цыганам, пытались втравить в азартные игры в карты. Вежливо уклоняясь, он чаще всего уходил на берег реки. Там, в излучине, рос небольшой лесок, бил небольшой ключ, чистейшая ледяная вода пробегала всего сотню шагов, чтобы влиться в реку, исчезнуть среди сора и грязи, которую река несла от городов.

Однажды он сидел там, сбросив мундир, предавался размышлениям. Вот уже второй месяц службы в этом забытом богом краю. Страшно смотреть на офицеров, что приехали сюда молодыми много лет тому. Они не просто постарели. У них погас огонь в глазах, души проела ржавчина. Чтобы не видеть всего скотства, одни топят его в кутежах, другие прожигают жизнь в развеселом цыганском таборе, третьи дерутся на дуэлях из-за любых пустяков, а то и сами стреляют себе в голову...

Внезапно далекий стук копыт привлек его внимание. Вдоль реки на четверке коней двигалась богато украшенная карета. Кони шли бодро, закидывали головы, сила в них играла. Кучер придерживал вожжи, кнута при нем не было, таких коней погоняют редко.

Александр окинул все безразличным взглядом, успев цепко ухватить и мелочи, вплоть до узора на колесах, отвернулся к воде. Волны накатывались на берег мелкие, часто расходились круги: рыба выпрыгивала, хватала комаров и жуков. Цокот становился громче, карета прокатилась в двух десятках шагов, затем стук копыт начнет удаляться, сейчас растворится в тиши и покое...

Кони заржали так, что ему показалось, будто закричал испуганный ребенок. Послышались крики. Он резко обернулся.

К карете с двух сторон набежали мужчины. Пятеро, все одетые кто во что горазд, у всех длинные ножи, двое еще и с саблями, а один наставил пистоль в дверцу кареты, что-то орал. Кони хрипели, пытались встать на дыбы, но один из разбойников повис на узде коренного, пригибал к земле.

Из кареты вытащили приземистого, насмерть перепуганного человека в длинном парике и долгополом камзоле, только вошедшем в моду в столице, вернее – введенном императором, за ним вытащили двух женщин. Одна, постарше, визжала так, что у Александра, привыкшего к речной тиши, заломило уши. Вторая держалась гордо, но щечки ее побелели, а руки нервно комкали платочек.

Разбойник сорвал с шеи старшей ожерелье. Двое прижали кучера и форейтора к карете, шарили по их карманам. Пятый, последний, ударил толстячка по лицу, зачем-то сдернул и бросил в пыль парик, выворачивал карманы.

Александр, оставив мундир, как был в белой расстегнутой до пояса рубашке, безоружный, бросился к месту грабежа. Разбойники заметили его, но не всполошились, только один предостерегающе выставил перед собой саблю и шагнул навстречу:

– Эй, паныч! Смерти ищешь?

– Ты пришел за шерстью, – предупредил Александр. Он перешел на шаг, глазами держал его цепко, потом внезапно посмотрел на другого разбойника, ахнул. Этот с саблей на миг отвел взгляд, Александр мгновенно бросился вперед, перехватил за кисть, повернулся спиной и наклонился, будто кланялся татарскому хану.

Отвратительно хрустнуло. Разбойник с криком перелетел через его спину, ударился оземь и остался распластанный, как выпотрошенная рыба. Лицо его исказилось от боли, другой рукой он с воплем перехватил сломанную руку.

Александр быстро бросился ко второму, тот оторопело поворачивался к нему с пистолем в вытянутой руке. Александр наклонился, грянул выстрел. Пуля пролетела над головой, выдрав

клок волос. Он без размаха хрястнул кулаком в лицо, подхватил на лету выпавший пистоль и зашвырнул его в карету.

Кучер и фореитор, на которых уже не смотрело черное дуло, поползли по стенке за карету, там развернулись и ринулись в лес. Александр покачал головой, он не чувствовал страха, только сильнейшее возбуждение, повернулся к разбойникам.

Их осталось трое. Один все еще держал коней, но двое, которые собирали драгоценности с пассажиров, уже знали, что противник перед ними совсем не тот паныч с голыми руками, каким показался вначале. Все-таки, оставив жертв, пошли на него без тени страха. Они знали и себя. Один был явно атаманом шайки, высокий и жилистый, цыганского типа, серьга в левом ухе, красная повязка на голове, в одной руке сабля, в другой – нож, а на второго даже смотреть страшно: поперек себя шире, кулаки как молоты, грудь широка, будто ворота в ад, а голова с пивной котел. У него тоже были сабля и нож, хотя такой мог бы размахивать вырванным стволом дуба.

– Смерти захотел, паныч? – спросил атаман свистящим голосом.

Александр кивнул на двух распростертых:

– Один из них это уже говорил... Угадай который.

Он внимательно следил за обоими. Второй начал обходить его сзади. Александр сделал вид, что не замечает, сам поворачивался до тех пор, пока его тень не упала прямо перед ним. Вечер был близок, тень удлинилась, вытянулась.

– Ты еще можешь уйти живым, – предложил атаман почти дружелюбно.

– Вы трое тоже, – ответил Александр. Его сердце колотилось учащенно. – Но это сейчас. Через две минуты этого уже не будет.

– Почему же? – спросил атаман.

– Да хотя бы... ну... хотя бы... потому!!!

Он резко шагнул влево, пригнулся и, не глядя, ударил саблей назад. Там раздался вздох, всхлип, что перешел в стон. Александр не оглядывался, держал глазами атамана. Тот заметно побледнел, несмотря на смуглоту.

Александр на всякий случай отступил еще, заставил атамана поворачиваться вместе с ним. Сзади тяжело грохнуло. Александр рискнул на миг бросить взгляд назад, тут же повернулся к атаману. И – вовремя: тот уже летел в прыжке на него, сабли звякнули, но атаман тут же отпрыгнул. Он не зря стал атаманом: сразу почуял в молодом паныче более сильного бойца.

Александр наступал, острое его сабли было все время направлено в противника. Одновременно он держал глазами и последнего разбойника, тот удерживал коней, что зачуяли кровь и снова пробовали понести, и перепуганных пассажиров. Толстяк с причитаниями ползал по траве, что-то собирал, а пожилая женщина забилась в глубь кареты. Юная девушка замерла в дверном проеме. Кулачки были прижаты к груди, невинно голубые глаза следили за схваткой неотрывно.

– Пощади, – прошептал атаман, – дай уйти...

– Дал бы, – ответил Александр, – если бы ты, мерзавец, не ударил беззащитную женщину!

– Но она...

– А так я дам только уползти!

Он отбил дурацкий удар, острое лезвие его сабли холодно и страшно блеснуло на солнце. Атаман закричал надрывно и страшно, рука с саблей отделилась от тела и упала в двух шагах. Из обрубка брызнула кровь, белая кость мгновенно стала красной.

Александр обернулся к последнему, что все еще удерживал коней, предостерегающе направил окровавленное острие в его сторону:

– Держи коней!.. Вздумаешь бежать, знай: я догоняю оленя и ломаю ему шею.

Разбойник часто закивал, глаза его были как у большой испуганной птицы. Это был крупный малый с глупым простодушным лицом. Александр повернулся к девушке. Сердце его дрог-

нуло, никогда еще не встречал такой чистой и трогательной красоты. Ее ясные глаза смотрели с восторгом, лишь на миг опустились на его обнаженную грудь, широкую и со вздутыми валиками грудных мышц, где только-только начали расти волосы, щечки зарделись, и она поспешно подняла взор.

– Спасибо вам, – сказал он искренне.

Она зачарованно кивнула, соступила вниз, не отрывая глаз от его лица. Нога ее промакнула мимо подножки. Она ощутила, что падает... и через мгновение ее обхватили сильные горячие руки, крепкие, как корни дуба. Она ударилась о твердое и инстинктивно прижалась к этому твердому, чувствуя, что это самое надежное место на свете. Ноги ее не касались земли, и она наконец поняла, что висит в воздухе, прижавшись к обнаженной груди юноши, горячей и с широкими пластинами грудных мускулов.

Она услышала, как мощно бьется его сердце, услышала запах его кожи, по телу прошла теплая волна, руки и ноги отяжелели. Все, чего она хотела всем существом, – это остаться вот так навсегда, навеки, быть в его руках, таких надежных, сильных и горячих.

С огромным трудом, преодолевая себя, она заставила свои руки упереться в его грудь, и он сразу же поставил ее на землю. Позже она поняла, что это все длилось лишь кратчайшее мгновение, и он, скорее всего, даже не ощутил, что задержал ее в своих объятиях... а то и вовсе он ее не задерживал?

Она не отводила от его лица замороженных глаз. Он был высок, широкоплеч, с длинными мускулистыми руками. Черты лица были правильными, но излишне резкими. Он был смуглым, загорелым. В черных как смоль волосах проскакивали синеватые искорки, брови были как черные шнурки, а глаза темно-карие, глубокие.

В нем чувствовалась звериная мощь, даже угроза, настороженность и готовность отвечать на удары. По тому, как мгновенно подхватил ее, она поняла с трепетом, что он, разговаривая с нею, все еще видит место схватки, готов к неожиданностям, к новым разбойникам, а тонкие ноздри красиво вылепленного носа раздуваются хищно потому, что чуют запах крови!

Она с трудом перевела дыхание, грудь ее вздымалась, как волна в бурю, переспросила слабым голосом:

– За что спасибо? Что дала вам возможность подраться?

Голос ее был дрожащий, но чистый и мелодичный, как серебряный колокольчик.

– Нет, – ответил он с неловкостью. – Я не люблю драться. За то, что не подняли визг. Здесь так божественно красиво и тихо! И жаль нарушать такую тишину.

Из кареты с криком высунулась женщина. Оглядевшись, она завопила истошным голосом:

– Грабят!.. Помогите!.. Спасите, кто в Бога верует!

Девушка посмотрела на Александра виновато:

– Простите ее. Это моя тетушка.

– Сглазил, – ответил он с улыбкой. – Что ж, рядом с ангелами всегда что-то для равновесия... Кто этот господин, что прополз вокруг кареты уже верст десять?

Он подал ей руку. Ее трепетные пальцы опустились ему на локоть. Вместе вернулись к карете. Женщина перестала кричать, бросилась к нему:

– Вы нас спасли! Вы один разогнали всю эту ужасную шайку! Вы просто Геракл...

Его передернуло, будто попал под струю холодной и грязной воды. В каждую эпоху свои любимые слова и сравнения, в эту – всех сравнивают с героями Эллады. А стоит сказать «тридцать три», как любой дурак, не задумываясь, радостно выпаливает: «Возраст Христа!», не важно, идет ли речь о возрасте женщины, несчастьях или зубах на башне. Если его еще кто сравнит с Гераклом, он начнет брызгать слюной и бросаться на людей.

– Полноте... – ответил он учтиво. – Это всего лишь обнищавшие крестьяне. Голод толкает не на такие зверства! Ваши слуги сбежали, я бы вам посоветовал взять этого малого, что

держит коней. Он сам похож на коня, коней наверняка любит, вон как держит нежно, и будет ходить за ними, как за родными. А тех трусов стоит вернуть в деревню.

Женщина отшатнулась:

– Этого... душегуба? Да ни за что! По нем Сибирь плачет!

К ним подошел дородный мужчина, обеими руками придерживал сползающий парик. Пухлое поросячье лицо еще не покинул страх. Сам он дрожал и пугливо озирался.

– Они... уже не вернуться? А что делать с этими?..

Двое разбойников, шатаясь и поддерживая друг друга, удалялись к лесу. Третий полз по траве, за ним оставался кровавый след. Атаман с воём катался по земле, зажимал обрубок руки. Оттуда хлестала кровь. Александр ощутил жалость. В момент схватки готов был убить, но это был слишком малый миг. Не зря говорили, что его рассердить невероятно трудно. А вот вышибить слезу...

– Кто ходит за шерстью, – напомнил он нехотя, – тот может вернуться стриженным.

Он помог женщинам влезть в карету. Пятый все еще держал покорно коней. Александр сказал строго:

– Садись и вези этих господ, куда они велят. С этого дня ты бросаешь свою работу в лесу... Ясно?

Из окошка на него смотрели блестящие глаза. Девушка была так прелестна, что у него защемило сердце. Если и есть на небесах ангелы, то и они уступают ей в чистоте и прелести.

– Я обещаю, – сказала она тихо, – я возьму его на службу.

Женщина ахнула, что-то залепетал протестующе толстяк, но девушка прервала милым, но решительным голосом:

– Не спорьте, тетушка! Этот молодой человек, который упорно не называет свое имя, прав. Да, пусть этот разбойник работает у нас. Это так романтично! По крайней мере, он не испугается и не убежит. А вы... вы бываете в свете?

– В чем, в чем?

Она слегка смутилась, это было очаровательно. На щеках зацвели алые розы, пунцовые губы стали еще ярче.

– У нас здесь, конечно, не Санкт-Петербург, но у губернатора каждую субботу собирается весь цвет общества. Все офицеры бывают там постоянно!

Александр отступил, поклонился. В глубине кареты шушукались тетушка и толстяк. Их все еще трясло от пережитого ужаса, а не торопили трогаться только потому, что до свинячьего визга боялись и разбойника на козлах.

– Я не все, – ответил он нехотя.

Их глаза встретились. Он ощутил, как дрогнуло сердце, а в душе отозвались какие-то струны. Мир внезапно стал ярче, а воздух чище. Ее глаза смотрели прямо в душу, и он не чувствовал желания закрыть ее, как делал всегда, когда к нему приставали с излияниями и от него ждали того же.

– Так вы придете? – спросила она настойчиво.

Он заставил себя ответить, хотя это было тяжелее, чем двигать гору:

– Я – не все...

Он отступил еще на шаг, подал разбойнику знак. Тот, еще не веря, торопливо забрался на козлы, взял вожжи. Кони тронулись, карета качнулась, ее повлекло по дороге все дальше и дальше.

Он с отвращением отшвырнул саблю. Райский уголок испакостили кровью и ненавистью! Уже не очистишь, надо искать другой.

Но он знал, что придется искать по другой причине. Здесь слишком многое будет напоминать о схватке, этой волшебной девушке, этих минутах совсем другой жизни.

Он шел к казармам, на ходу надевал и застегивал мундир, но видел только ее обвиняющие глаза. На душе была горечь, словно несправедливо ударил ребенка. Она никогда не поймет его бессвязных слов. Хуже того, он сам их не понимает!

ГЛАВА 5

На другой день его вызвали к полковнику. Адьютант, загадочно улыбаясь, провел его в кабинет. Засядько чувствовал напряжение, разговор явно пойдет о вчерашнем происшествии. Он должен был обратиться к властям, те снарядили бы погоню за ранеными разбойниками. Придется прикинуться растерянным, испуганным. Мол, не соображал, что делает, все получилось как бы само...

Полковник поднялся навстречу, вышел из-за стола, неожиданно обнял. Держа за плечи, отодвинул на вытянутые руки, всмотрелся в покрытое загаром мужественное лицо:

– Наслышан!..

– Простите, – сказал Засядько учтиво, – о чем?

– О твоём лихом поступке! Подумать только, бросился один на пятерых! Одолеl, спас, да еще и от благодарностей увильнул! Неужели на земле еще есть такие люди?

Полковника распирала веселая гордость, словно он сам всех побил и спас, он похотывал, отечески хлопал подпоручика по плечу, мял, снова хлопал.

– Это были простые обозленные крестьяне, – сказал Александр, он чуть воспрянул духом, претензий к нему пока нет. – Я еще не знаю, что смогу в бою.

– Сможешь, – уверил полковник громогласно, будто говорил на плацу перед ротой. – А случай представится, не горюй. Россия все время военной рукой расширяет свои пределы. Победоносные войны идут на всех кордонах!

Продолжая обнимать за плечи, он подвел к окну. На широком плацу двое офицеров упражняли роту новобранцев. Доносилась ругань, время от времени один из офицеров подбегал к солдатам, остервенело бил кулаком в лицо. У некоторых по подбородкам уже текла кровь. Второй офицер взирал на все лениво, двигался, как засыпающая на берегу большая бледная рыба.

– Видишь? Эти вряд ли на что сгодятся. Пьют да по бабам, пьют да по бабам. Вот тот второй, видишь?.. Этот уже только пьет, ибо с бабами, даже самыми податливыми, нужны какие-то усилия, а с бутылкой – нет. Пока нет.

Засядько зябко передернул плечами. Мир внезапно показался жестоким и враждебным. Ведь пить начинают от отчаяния, разве не так, спросил он себя.

Полковник проворчал уже глухим, как удаляющийся гром, голосом:

– Я сам тут начал опускаться, но тебе... не дам.

Александр скосил глаза на красное одутловатое лицо. Полковник, по слухам в офицерской среде, был первым насчет попок и гулящих женщин. Впрочем, возможно, это были слухи вчерашней давности.

– Как мне удастся избежать? – спросил он тихо. – Если это так уж неизбежно? И вся Россия тонет в этом. Разве что податься во франкмасоны!

Полковник отвернулся от окна, закрыв широкими плечами гнусную сцену, порождение тоски одних и бесправия других.

– Франкмасоны? Лучше держись от них подальше.

– Почему?

– Тайные, – буркнул полковник. – А в тайне держат всегда что-то мерзкое... Хоть о себе и рассказывают сказки как о поборниках справедливости, но посторонним свои секреты не открывают. Действительные цели не раскрывают.

– А их цели обязательно мерзкие?

– Сказать не берусь, но я не хочу, чтобы мою судьбу решали тайно. И на тайных собраниях. Да еще иностранцы!

– Почему иностранцы? – пробормотал Засядько. – Судьбы России решает государь император Павел...

– А!.. Он тоже масон, но только король прусский постарше его в чине по тайному обществу. Повелит – и наш государь хоть на задние лапки встанет, хоть по-собачьи взлает! Ведь у масонов обязательно слепое повиновение младшего старшему.

– Да, – пробормотал Засядько, – такое терпимо в армии, здесь нельзя без дисциплины, но премерзко в жизни светской.

Полковник похлопал его по плечу. На лице его странно переплетались удовлетворение и легкая зависть.

– И без масонов можно делать карьеру. У меня на столе лежит запрос из Санкт-Петербурга. Им требуются офицеры на боевую службу. У нас гарнизон невелик, потому мне предписано выделить всего троих. Но зато самых храбрых, стойких, беззаветно преданных вере, царю и Отечеству. Если я ослушаюсь, пошлю не тех... ну, всегда есть соблазн из этой дыры послать по протекции родственника или любимчика, с меня самого голову снимут!

– А... куда? – спросил Александр едва слышно.

– В Санкт-Петербург. – Полковник внезапно улыбнулся. – Но я не думаю, что воевать придется на улицах столицы. Однако где – это вопрос строжайшей государственной тайны! Не только я, но думаю, даже в высших кругах столицы еще не знают. Пока что знают только двое.

– Кто?

– Его императорское величество Павел Первый и... фельдмаршал Суворов!

Адъютант напрасно прислушивался, двойные двери были прикрыты плотно, а полковник говорил в глубине кабинета, нарочито понизив голос. Похоже, дело было серьезное, потому что разговор был долгий. Подпоручик совершил то, о чем долго будут говорить между собой офицеры, одни с восторгом, другие с завистью, но все-таки при желании можно усмотреть и нарушения.

Наконец дверь распахнулась, адъютант с готовностью вытянулся. Еще больше вытянулось его лицо. Полковник, известный суровым нравом, провожал подпоручика, дружески обнимал за плечи и всячески выказывал ему расположение, демонстрировал внимание. Голос полковника был ласковым, это было непривычнее, чем если бы горилла вздумала петь цыганские песни.

– И еще я пообещал привезти вас завтра вечером на бал. У нас городок маленький, новости расходятся быстро. Местное светское общество горит любопытством увидеть вас. Это было так романтично! Местные красавицы уже сегодня будут делать прически, чтобы вам понравиться. Не понимаю эту французскую моду, когда даже спать приходится сидя, чтобы не разрушить эти башни из волос... Разве мы на прически смотрим?

Он подмигнул заговорщически. Александр ощутил, что краснеет. Он все еще старался смотреть на женщин как на существ, во имя которых совершаются подвиги. Но то, что видел до сих пор, укладывалось больше в понятие девок и баб, какие бы знатные фамилии ни носили и какие бы пышные прически ни сооружали.

Полковник похлопал его по плечу:

– Вижу, знаешь, куда смотреть! Нам, мужчинам, надо задницу пошире да вымя побольше. А все остальное – мелочи... Так что завтра вечер ничем не занимай, любование луной на берегу реки отложи – мне уже об этом донесли. Я начинал тревожиться, мало мне пьяниц да бретеров! Но вишь, каким концом обернулись твои любования красотами! Я пообещал привезти тебя, не подведи.

– Я сделаю все, что скажете, – пробормотал Засядько. – Я ведь вижу, что вы обо мне заботитесь!

– Ты сам о себе заботишься, – проворчал полковник, но вид у него был польщенный. – Ты хоть знаешь, кого спас?

– Ну, людей в карете...

Полковник отшатнулся в удивлении, потом расхохотался так, что закашлялся, побагровел, глаза стали выпученными, как у вареного рака.

– Ну, – проговорил с трудом, – ну... предполагал невежество... только ли невежество?... но чтоб такое... Еще могу понять, что раньше ты не знал эту ясную звездочку, хотя это представить трудно, все о ней только и говорят... Но как ты даже не поинтересовался теперь?

Он смотрел так, словно ждал немедленного признания в какой-то хитрости. Засядько сказал встревоженно, голос стал умоляющим:

– Вы только не сердитесь!.. Я бы спросил... потом. А вчера времени не было, потом было не у кого узнать... Ну и все такое.

– Ты просто урод, – изрек полковник. – У тебя в голове что-то не так. Царя-императора там не хватает. А то и вообще валеты королей гоняют. Ты, случайно, дамой туза не бьешь?.. Это же ехали Вяземские! Кэт, княжна, а с нею учитель французского и двоюродная тетушка! Кэт – единственная наследница древнейшего рода князей Вяземских... и богатейшая, к слову о птичках.

По лицу юноши он понял, что его слова отскакивают от него как от стенки горох. Зато заблестевшие глаза показали, что прелестную княжну запомнил.

– Завтра, – напомнил полковник. – Готовься!

Ошеломленный Александр бегом спустился по ступенькам на улицу. Сердце колотилось, как будто хотело выпрыгнуть, кровь бросилась в голову, он чувствовал неистовую радость.

Навстречу шли трое офицеров. Расфранченные, духами разит за версту. Идут так, будто им принадлежит если не весь мир, то хотя бы Херсонщина. Однако при виде молодого подпоручика на их лицах появились кислые улыбки.

Один сказал тягучим голосом:

– Да, завтра тебя осыплют цветами. Тут вовсе можно прыгать до неба.

– У губернатора о тебе только и разговоров, – буркнул второй завистливо.

Третий кивнул нехотя. Вид у него был таков, что он знает все, о чем говорится у губернатора, ибо он близок к высшим кругам города, знает всех и его знают тоже.

Александр даже не понял сперва, потом развел руками. Цветы так цветы, и хоть из всех приемов предпочитает приемы со шпагой, но стерпит и прием у знатных мира сего. Главное же, о чем эти трое несчастных и не догадываются, он через неделю покинет эти безрадостные степи и поедет в Санкт-Петербург!

А оттуда... куда оттуда? Явно за кордон, потому что Суворов никогда свою страну не защищал. Он воюет только в чужих странах! И войны его всегда наступательные.

Когда они прибыли к особняку губернатора, у ворот уже стояло десятка два карет, а у коновязи оседланные кони лениво жевали отборный овес. Полковник хмыкнул:

– Наши кавалеры времени не теряют... На балах да пьянках только и живут, а на службу – так, отлучаются.

– Для чего шли в офицеры? – спросил Александр с недоумением.

– А сколько блеска в эполетах, аксельбантах, золоченых шнурах? Они, как вороны, клюют на все блестящее. А нынешние женщины так вовсе вороны из ворон...

Они взбежали по мраморным ступеням. Роскошно одетые слуги в ливреях распахнули перед ними массивные двери. Полковник выпрямился, лихо подкрутил усы. Он разом помолодел, в глазах появился лихорадочный блеск.

Пройдя через большую комнату, они оказались перед распахнутыми дверьми в большой зал. Оттуда неслись звуки оркестра, и, когда Засядько встал на пороге, его ослепил блеск множества свечей, хрустальных люстр. Даже массивные канделябры, начищенные до нестерпимого блеска, старались уколоть глаза богатством и роскошью. В залитом ярким светом зале уже

был почти весь высший свет Херсона. В глазах рябило от роскошных платьев, драгоценностей, блеска эполет, богато украшенных мундиров.

Оркестр играл не очень умело, но старательно и громко. Шелест множества голосов, мужских и женских, напомнил Александру раков, трущихся панцирями в тесном ведре.

Дворецкий громогласно назвал их, явно гордясь зычным голосом. Александр увидел, как сразу разговоры умолкли. В их сторону повернулись десятки голов. Полковник выпрямился еще больше, грудь выгнулась колесом, а живот подтянул так, что тот почти прилип к спине.

Деревянно шагая, он повел смущенного Александра через зал. Они сделали всего пару шагов, как к ним быстро шагнул немолодой грузный человек с орденой лентой через плечо. Парик был сделан тщательно, но так, словно хозяин все же старался сделать его как можно незаметнее, раз уж в угоду моде необходимо прятать собственные волосы.

– Дорогой Петр Саввич, – провозгласил он густым басом и раскинул объятия, – ты так редко бываешь здесь! А тут двойная радость: ты догадался привезти и этого замечательного юношу, о котором говорит весь город!

Александр почтительно поклонился градоначальнику. Тот излучал радушие, в нем чувствовались сила и уверенное достоинство. От него пахло хорошим французским вином, но такому медведю, подумал Александр, надо спoitить целый винный подвал, чтобы свалить под стол. Наверняка пьет еще и для того, чтобы других свалить, пусть в пьяной болтовне выбалтывают то, что трезвый придерживает.

Он чувствовал на себе пыливый взор, не знал, что ответить, а от него определенно ждали какого-то ответа.

– Я счастлив, – сказал он, запнулся и повторил: – Я просто счастлив! Что я могу еще сказать? Вы же видите, я счастлив быть здесь.

Градоначальник довольно хохотнул, обнял молодого офицера. За витиеватыми речами часто кроется неискренность, а умелое построение речи говорит скорее о частом повторении одних и тех же апробированных выражений. Этот же молодой офицер сказал бессвязно, смущаясь, что привело его в восторг.

– Юноша, здесь все свои, – сказал он искренне. – И все рады вам. Чувствуйте себя как дома. Отныне двери нашего дома всегда для вас распахнуты!

Засядько поклонился. Он был смущен, физически чувствовал взгляды всех собравшихся. Да, он из незнатной семьи, а правила светского обхождения понаслышке да по книгам не выучишь. И как бы ни ступил, будет видно, что рос и воспитывался в диких степях Украины, с детства привык скакать на горячем коне и никогда не ходил под присмотром нянь и гувернеров.

Внезапно совсем близко раздался радостный возглас:

– Вот он, наш спаситель!

К нему, приятно улыбаясь, тетушка вела зардевшуюся Кэт. У Александра остановилось дыхание, настолько она была божественно прекрасна. Ее большие голубые глаза смотрели восторженно, с детским обожанием, на щеках расцвел румянец, пухлые губы вздрагивали, растягиваясь в радостную улыбку. Ее пышные волосы были убраны в высокую прическу, там блистали драгоценности, длинная лебединая шея беззащитно открыта, у Александра защемило сердце от прилива нежности, а руки дернулись укрыть ее, защитить, уберечь от опасности снова.

У нее был глубокий по последней моде вырез на платье. Александр ощутил, как тяжелая горячая кровь прилила к его щекам, залила шею. Их глаза встретились, он увидел, что она поняла по его взгляду, почему он покраснел, и румянец на ее щеках стал еще ярче. У нее была ослепительно чистая нежная кожа, он видел ее девичьи округлости, как ни старался отвести глаза, его обволакивал нежнейший, едва уловимый запах духов, от которого сердце едва не

выпрыгивало, а голова кружилась, а она так же зачарованно не могла оторвать взгляда от юношеского, но мужественного лица с резкими чертами и упрямо выдвинутой челюстью.

Молчание длилось, как им показалось, вечность и еще раз вечность. Затем губернатор взял ее нежные пальчики в свою огромную ладонь, поднес к губам:

– Милая Кэт... На месте этого юноши каждый бы бросился хоть на сотню разбойников, если понадобилось бы спасти тебя!

Вблизи стояли офицеры с бокалами шампанского в руках, прислушивались. Слова губернатора приняли с одобрительными возгласами:

– Что на сотню – на тысячу!

– На армию!

Губернатор бросил на них уничижительный взгляд, добавил:

– Вряд ли у кого-то это получилось бы так же блестяще, но, милая Кэт, ради вас в самом деле каждый из нас бросится на штыки!

Он еще раз поцеловал ей руку, передал полковнику. Тот, приложившись губами к ее пальчикам как к святыне, сказал торжественным голосом, словно читал завещание о получении им огромного наследства:

– Милая Кэт, позвольте представить вам моего юного друга, подпоручика Александра Засядько!

Он отступил на полшага, поклонился. Александр тоже склонил голову, чувствуя себя глупо в тугом мундире, затянутый, скованный церемониями. Казачий сын, привыкший скакать навстречу ветру с раскрытой грудью, когда же привыкнет? Жарко, воздуха не хватает, воротничок давит, как чужая рука на горле.

Кэт не могла оторвать от него глаз. Сейчас он показался еще выше, чем тогда, когда в белой, расстегнутой на груди рубашке бросился спасать ее, как часто спасал в ее снах волшебный принц. Он был красив, как сам Сатана, и в тугом мундире выглядел как дикий конь, на которого возложили седло, но который все равно никому не позволит в него сесть.

Годы учения в привилегированном училище не вытравили свободолюбивый дух, и если бы она уже не узнала, что красивый молодой подпоручик русской армии не князь и даже не дворянин, а сын знатного казака, то все равно безошибочно признала бы в нем человека, рожденного в седле и вскормленного с конца копыя.

– Добрый день, – сказал он внезапно охрипшим голосом. – Вы... танцуете?

– Да, – ответила она поспешно. Голос ее был чистый, как колокольчик, у него сладко отозвалось сердце. – Вы... приглашаете меня?

– Уже пригласил, – сказал он еще торопливее.

Он видел в ее глазах то же самое, что чувствовал и он. Вырваться хоть на время танца из-под плотной опеки старших, когда тебе дышат в затылок и подсказывают каждое слово. И пусть за ними все время будут неотрывно следовать взгляды всего зала, но все-таки они вдвоем смогут ощутить хоть слабую тень тех минут, когда он, сильный и красивый, в белой рубашке, распахнутой на широкой груди, подхватил ее, слабую и трепещущую, держа в одной руке саблю, ощутил легкий аромат ее духов, а ее пронзила сладкая дрожь от прикосновения его сильных рук...

Однако им пришлось дожидаться, пока окончится предыдущий бесконечный манерный танец. Фигуры в одинаковых напудренных париках двигались по кругу как восковые. Одновременно приседали, кланялись, лица у всех как маски, непристойно выказывать какие-либо чувства. Александру они напоминали фигурки на больших часах.

– Я слышала, – сказала она тихо, глядя на танцующих, – что в Вене создан новый танец. Его называли вальс...

Александр кивнул. Вальс он не танцевал, но слышал о нем от поручика Ржевского. Правда, поручик спутал Штрауса со страусом, который несет самые большие яйца, наверное,

потому Ржевский и заявил в офицерском собрании глубокомысленно, что, мол, теперь знает, почему Штраус пишет именно вальсы.

– Наши офицеры только о нем и говорят, – сказал он осторожно. – Его вроде бы запретили как непристойный?

Ее щеки снова заалели.

– Да. Но молодежь тайком танцует. Я, правда, не видела...

– Каков он?

– Говорят, в нем кавалер во время танца левой рукой не просто касается кончиков пальцев дамы... а держит ее за руку. А правой вовсе обнимает за талию... Конечно, на вытянутой руке! Но у нас вальс танцевать нельзя. В самом деле, о девушке могут подумать нехорошее, если позволит себя обнимать за талию незнакомому мужчине. Даже в танце!

Он спросил тихо:

– Но в Вене же танцуют?

– Там у них много музыкантов, художников, артистов, к ним отношение лучше, чем у нас. У нас вальс если и начнут танцевать, то разве что среди простонародья... хотя я не могу себе представить, чтобы пьяные мужики его танцевали... А в высшем свете нравы строгие.

Александр рассматривал ее искоса, не в силах отвести взор. Он вообще не любил танцы, в них было слишком много от механических фигур. Жизнь оставалась только в народных плясках, там даже кипела и хлестала через край, но, чтобы не быть изгоем, выучил все па и мог танцевать все, что игралось на балах. А вальс, при всей его якобы непристойности, может оказаться лишь очередным танцем заводных игрушек.

Впрочем, подумал он с усмешкой, может быть, его создатель как раз сам настрадался от бездушия бальных танцев, потому создал нечто ближе к гопаку или народной мазурке?

Заиграли полонез, новый танец, что недавно вошел в моду после завоевания русскими войсками Польши. Вместе с награбленным оттуда вывезли и музыкантов, художников, артистов. Если не в Санкт-Петербург для украшения столицы, то в Сибирь, чтобы смирить польский гонор.

Александр поклонился Кате, так ее хотелось называть, ее нежные пальцы коснулись его руки, они вошли в круг. Танцующих было двенадцать пар, все двигались по кругу в строго размеренном ритме, останавливались, раскланивались, менялись местами, раскланивались, все медленно и чинно, но он вдруг ощутил, что зал исчез и все исчезло, а они танцуют только вдвоем. А вместо стен с канделябрами и запаха восковых свечей – берег реки и аромат цветов, свежесть близкой реки.

По ее глазам он внезапно понял, что она тоже с ним в их волшебном мире для двоих. Стены зала растворились и для нее, исчезли как дым все танцующие, родители и с завистливой враждебностью наблюдающая офицерская знать.

ГЛАВА 6

На следующий день он нанес визит в дом князя Вяземского. Чувствовал себя не в своей тарелке. Впервые его страстное желание совпало с желаниями других: полковника, тетушки и наставника Кэт и, как он втайне надеялся, с желанием самой Кэт.

Дворецкий, с достоинством кланяясь, проводил через анфиладу залов в кабинет самого князя. Александр чувствовал, как побежали мурашки по коже. Кабинет был достаточно просторен, чтобы в нем проводились учения с ротой новобранцев. В левом углу внимание привлекал камин на аглицкий манер, там белеют торцами березовые чурки в обертках бересты, стены заняты книжными шкапами. Фолианты в телячьей коже, монограммы вытиснены золотом. Огромный стол завален бумагами. Даже в одном из трех кресел лежит свернутая в рулон карта. Массивная чернильница из дорогого малахита, пучок гусиных перьев в хрустальном стаканчике, настольный календарь... Похоже, князь и на юге продолжает заниматься работой, а не только охотится на лис, как утверждают знатоки.

Он еще рассматривал книжный шкаф с книгами, когда дверь распахнулась, вошел грузный мужчина в дорогом камзоле. Вид у него был представительный, в движениях чувствовалась уверенность высокородного, привыкшего с детства отдавать распоряжения, но лицо было мягким, а сейчас и вовсе лучилось довольством и счастьем.

Он еще от дверей раскинул руки:

– Позволь мне обнять тебя, отважный юноша!.. Я богат, но главное мое сокровище – Кэт. Это поздний ребенок, я в нее вложил всю душу. Господь видит, как я просыпаюсь в страхе ее потерять, но позавчера я был как никогда к этому близок.

Он обнял Александра, расцеловал в обе щеки, усадил в кресло. Придержал рукой, тот порывался вскочить, сам обогнул стол и с удовольствием опустился на мягкое сиденье.

– Полковник много рассказывал о тебе, Саша. Позволь тебя так называть? Он очень высокого мнения о тебе.

Александр пробормотал в смущении:

– Я здесь всего два месяца. Чем я мог заслужить столь лестную оценку?

Князь покровительственно засмеялся:

– Саша, мы с полковником уже в том возрасте, когда жизненный опыт позволяет судить о многом. Мы видывали много, потому нам не требуются годы, чтобы сразу понять человека. Ты из тех, кто шагает далеко. Есть люди, которые живут как трава. Есть – как звери. Но на каждое поколение рождаются люди, их мало, которым их мир сразу начинает казаться тесен. Они, каждый по-своему, начинают его расширять, улучшать, перестраивать. Это и мудрецы вроде Моисея, Аристотеля, нашего гения Ломоносова, и завоеватели вроде Аттилы, Чингисхана, Александра Македонского, и хитроумные механики вроде Архимеда или Кулибина... При всей разности эти люди из одного теста. Им тесно в этом мире! Я не знаю, кем будешь ты... Может быть, твои крылья сгорят в самом начале и никто не увидит твоего взлета, но ты – из этой породы.

Александр слушал его раскрыв рот. Князь говорит то, что он сам постоянно чувствовал в сердце, но не мог выразить словами. Люди вокруг слишком ленивы, слишком медлительны, слишком мало хотят от жизни. Но они такие все... как он думал раньше.

– Не знаю, – ответил он искренне. – Ведь я служить только начал. Я все время учился... и сейчас все время учусь.

Князь кивнул. Глаза на пухлом, слегка одутловатом лице были живые, внимательные.

– Учишься. А нынешние дворяне в подражание Митрофанушке стонут: не хочу учиться – хочу жениться.

Его острый взгляд остановился на его лице. Александр ощутил, что краснеет. Князь несколько мгновений изучал его, с легким смешком откинулся на спинку кресла:

– Саша, мы твои должники. Дело не в драгоценностях, что унесли бы разбойники, я в состоянии тут же купить новые, но Кэт даже не успела испугаться, вот за что я тебе благодарен! Когда ты появился, молодой и веселый, сабля в руке, а в глазах удаль... не спорь, так тебя описала не только она, но и моя сестра, то они все трое были абсолютно уверены, вот что удивительно, что с твоим появлением все пойдет хорошо...

– Ну уж...

– Я сам их не понимаю, но они в один голос твердят, что сразу поверили в тебя. Один супротив пяти! Но Кэт была уверена, что тых разгонишь, а ее спасешь. Так и случилось, но более того...

Александр ежился под пристальным взглядом. Князь неожиданно усмехнулся:

– Тебе будет доставаться за рискованные решения. А также за те, которые ты принимаешь за других. Признаться, я без охоты принял того разбойника. Лишь по настоянию дочери, которую люблю настолько, что отказать ни в чем не могу. Но ты оказался прав: он обожает коней, готов и спать в конюшне, а на работе конюха просто счастлив. Конечно, я запретил домашним упоминать, как он нам достался. Таким образом, мы обрели в его лице преданнейшего человека. Странные бывают повороты судьбы, верно?

Он поднялся, обошел стол, снова обнял:

– Не предлагаю никакого вознаграждения. Знаю, не примешь. Судя по фамилии, ты из малороссов, а у них гонора на сто князей хватит. Но если что понадобится, только дай знать. Князь Вяземский с его влиянием, деньгами и землями – в твоём распоряжении!

Он проводил его до дверей кабинета. На пороге взглянули друг другу в глаза. И оба знали, что никогда ни при каких обстоятельствах гордый подпоручик не унижится до просьбы о помощи.

Кэт ждала его в большом зале. Увидев выходящего из кабинета отца молодого офицера, бросилась навстречу:

– Александр!

Он снова ощутил волну нежности и щемящего жара в сердце. Еще никогда не видел такой прекрасной девушки, нежной и удивительной, чистой, как лепесток розы. Ее глаза сияют, как две утренние звезды, омытые росой, пухлые губы раздвинулись в счастливой улыбке.

– Милая Кэт, – сказал он и поперхнулся. Слова сами сорвались с языка, но не успел пожалеть, она вспыхнула от счастья, засветилась, будто ее сердце запылало жарким огнем.

– Ох, Александр, – сказала она и подошла к нему так близко, что почти касалась его лицом. Ей пришлось задрать голову, он возвышался над ней на полголовы. Ее глаза лучились, а губы стали пунцовыми. – Я боялась, вы никогда это не скажете!

Ее глаза на миг ушли в сторону, там был альков, и Александр тут же предложил руку. Они уединились в алькове, занавеси были раздвинуты, незамужней девушке неприлично оставаться наедине с молодым мужчиной, но все же они могли издали услышать шаги.

Александр усадил ее на мягкую кушетку, сел рядом. Кэт, поколебавшись, вложила узкую ладонь в его руку:

– Александр, мы все благодарны... Ой, что это у вас такое твердое? Мозоли? Неужели от шпаги?

– И от сабли тоже.

Ее глаза стали огромными.

– У всех офицеров, которые вхожи в наш дом, ладони белые и нежные...

В алькове было жарко, мундир душил горло. Он словно видел со стороны, какое у него красное лицо с глупо выпученными глазами. Кэт старательно отводила взгляд. От нее обворожительно пахло, как от нежного цветка.

Голос ее дрогнул:

– Как часто я в детских снах видела один и тот же сон... На меня нападают разбойники, у них сабли и страшные ножи, мне страшно... Но вдруг появляется рыцарь в блистающих доспехах! Он горд и красив, он отважен, а меч в его руке блещет как молния. Разбойники кто повержен, кто в страхе бежит обратно в лес. А рыцарь, отбросив меч, берет меня на руки. У него черные как смоль волосы, мужественное лицо, высокие скулы. Руки его сильны, как ветви дуба, а сам он красив и статен. Он сажает меня на своего коня и увозит в замок...

Она сделала долгую паузу, смотрела вопросительно. Александр, чувствуя, что надо что-то сказать, промямлил:

– У рыцаря должны быть золотые волосы до плеч. Так всегда в сказках.

– Это в сказках, – возразила она. – А мне снился всегда черноволосый, смуглый, загорелый, а лицо... немножко даже разбойничье. Чуть-чуть злое, как у сильного и непокорного человека. Я даже рассмотрела черные волосы на его груди!

Он ощутил, как запылали его уши. Знал, когда увидела мельком волосатую грудь своего рыцаря. Угроздило же его сидеть в рубашке, расстегнутой до пупа! Даже не на солнышке.

– Хорошо, если у него есть замок, – пробормотал он.

– Есть, – сказала она убежденно. – Или будет, это неважно. А в замке он берет меня в жены, мы живем долго и счастливо, и у нас множество детей...

– Восьмеро, – пробормотал он.

—Что? – переспросила она. – Ах, почему нет? Восьмеро.

– И все мальчики...

– Почему? Пусть и девочки.

– И оба умирают в один день, – сказал он тихо.

– Что?

– Да так, вспомнил одно гадание...

Она просияла:

– Вам такое напредсказывали? Я всегда мечтала жить в любви и умереть со своим мужем и повелителем в один день!

Она внезапно замолчала, спрятала лицо в ладони. Сказано было много, слишком много. И молчание было долгое, мучительное для обоих. Александр прокашлялся, в горле стоял комок.

– Кэт... губернатор был прав. Все мужчины мира ради вас бросятся хоть на сабли, хоть на штыки. Мое сердце у ваших ног! Я просто не смею и надеяться... Но если я хоть чем-то похож на рыцаря вашей мечты, если я смогу быть похожим... то я приложу для этого все силы, отдам этому всю жизнь... Кэт, я люблю вас!

Она подняла голову, лицо ее было счастливое. В глазах стояли слезы. Она прижала кулачки к груди:

– Саша!.. Я люблю вас с того времени, когда еще играла в куклы. Вы всегда были таким, как сейчас!.. Я просто дрожу от страха, что я сейчас проснусь, и все исчезнет!

Ее голос в самом деле дрожал, а слезы прорвали запруды и побежали по нежным щекам. Губы распухли. Александр медленно наклонился и поцеловал. Ее губы были солеными, они дрогнули, словно от страха, но в следующее мгновение раскрылись ему навстречу. Он вбирал в себя ее нежность и чистоту, ее аромат, его руки держали ее сперва за плечи, потом обняли, а она прижалась к нему с такой силой, какой нельзя было ожидать от ее хрупкого тельца.

Сердце его стучало мощно и радостно. Он слышал невидимые фанфары и слышал хлопанье незримых крыльев, это праздновали их союз на небесах.

Послышались шаги. Они с великим трудом оторвались друг от друга, но остались сидеть, держась за руки как дети. Кто-то прошел мимо, хлопнула дверь.

Александр сказал жарко, сам удивился своему севшему голосу:

– Я сегодня же попрошу вашей руки. Как вы думаете, что скажут ваши родители?

Она опустила ресницы:

– Скажут, что это несколько неожиданно... что как-то еще не думали... Что я слишком молода... но вообще-то, если встретится человек, которого я полюблю... то не спеша и с соблюдением приличий... Ах, Саша! Вы знаете, что они могут сказать. Ведь они сами в вас влюбились. Тетушка все уши прожужжала, какой вы скромный, что не пьете и не курите, к гулящим девкам и к цыганам не ходите, что вас высоко ставит начальство... А отец сам навел о вас справки. Я к нему подлащилась, он все рассказал. Он тоже ставит вас очень высоко, еще сказал, что вы обязательно станете по меньшей мере генералом.

Александр слышал, как горячая кровь прилила даже к ушам. Радостно слышать от других то, о чем мечтал втайне сам. Да, он обязательно станет генералом. И очень молодым генералом! Не ради выгод и жалованья, а потому что генералы могут делать то, о чем подпоручики не смеют даже мечтать.

– Значит...

– Он не откажет.

Он раскрыл объятия, она бросилась в них и прильнула беззаветно, прижавшись к его сильному телу, как к могучему дубу. Его сердце задышалось от любви и нежности, слыша, как совсем рядом вздрагивает нежное и страстно любимое существо. Она трепещет, словно он может исчезнуть! И что это все окажется сном...

Перед уходом он попросил доложить князю о себе, собрал всю волю в кулак, а когда дворецкий распахнул перед ним дверь, шагнул вперед, глядя чисто и преданно, вытянувшись и выпячивая грудь.

Князь отложил бумаги, поднялся навстречу, разводя руки для объятия:

– Милый Саша, я начал скучать по тебе, едва ты ступил за дверь кабинета! Садись, я велю подать кофий со сливками...

Александр поклонился:

– Благодарствую. Я пришел откланяться... а еще – просить вас руки вашей дочери.

Князь, не останавливаясь, как шел с раскинутыми руками, так и обнял Александра. На лице старого вельможи не отразилось ни малейшего удивления. Скорее Александр прочел в нем нескрываемое удовольствие. Князь отечески расцеловал молодого офицера, отстранил на вытянутые руки, всмотрелся в юное лицо:

– Я надеялся, что ты это скажешь. Кэт без ума от тебя, меня даже оторопь берет. В наших краях редко по любви выходят, а чтоб по такой неистойвой... об этом в нашем роду... теперь и в твоём, будут из поколения в поколение рассказывать!

– Значит, вы не против?

– Не против, еще как не против! Да и матушка возликует. Мы очень любим Кэт и хотим, чтобы она была счастлива. А если ее желание совпадает с нашим, то разве бывает родительская радость выше?

Он позвонил в колокольчик, велел сообщить княгине, что они будут в парадной зале. На Александра посматривал отечески, много не расспрашивал, выгодно отличаясь от отца Оксаны. Александр терялся в догадках, не думал, что разговор может получиться таким быстрым и легким. Или же князь уже получил о нем все-все сведения, знает все. А что о нем знать? Его жизнь может поместиться на половинке листа бумаги. Родился, учился, только-только начал службу. Нет ни богатых земель, ни роскошных дворцов, ни имений. Тогда странно, что князь с такой легкостью выслушал его... С другой стороны, он настолько богат и знатен, что

нет необходимости родниться обязательно с богатыми и знатными. Его земель и деревень хватит на сто генералов.

Сердце его стучало учащенно. В алькове уже было пусто, но когда Александр проходил с князем мимо, ноздри уловили едва слышный запах знакомых духов.

Они едва успели сесть в большой гостиной, как дверь распахнулась, дворецкий пропустил вперед женщину. Александр мгновенно увидел в ней мать Кэт и жену князя. У нее были глаза Кэт, все еще блестящие и полные жизни, а на князя она была похожа больше, чем родная сестра. Такое бывает в провинции, где женятся и выходят замуж по любви, живут и мире и согласии всю жизнь, спят в одной постели, что в высшем свете считается непристойностью, делятся горем и радостью, вместе растят детей и строят свое будущее. Такие семьи Александр часто видел в казачьих семьях дома на Сечи, но почти не встречал в деловом Санкт-Петербурге.

– Это и есть тот самый герой, – сказала она ласковым голосом. – Саша, вы должны были показаться раньше!

В ее теплом материнском голосе звучал упрек. Александр развел руками:

– Простите меня великодушно, но я не счел свой поступок чем-то необычным.

– Необычным? Вы дрались один против... против всей шайки!

Он опять развел руками, подумал, что слишком часто это делает, это выглядит глупо, сказал уже тверже:

– Мне уже приходилось сражаться одному.

– Но вы спасли мою дочь от ужасных разбойников!

Александр снова развел руками, рассердился на себя за этот жест. Князь пришел на помощь:

– Матушка, он прибыл из земли, где пьют из шелома, а кормятся с острия копья. Там война идет уже тысячу лет! Он владеет саблей и пистолетом так же привычно, как мы вилок и ложкой. Но молодой человек не огрубел душой, он наиболее прилежен в учебе и показал себя лучше других кадетов во всех отношениях!..

И это прочел, понял Александр. Конечно, разве кто откажет могущественному князю заглянуть в государственные бумаги? Возможно, если бы их что-то не удовлетворило в его послужном списке, то не пригласили бы в этот дом. Послали бы с дворецким рубль на выпивку... ну, пусть не рубль, что-то подбросили бы, чтобы не чувствовать себя в долгу перед простым казаком, но все же так близко, как сейчас, общаться бы не стали.

– У вас очень хорошее лицо, – сказала княгиня задумчиво.

Князь сказал весело:

– Матушка, а ты знаешь, зачем явился этот молодец? Хочет увести от нас нашу Кэт!

Ясные глаза княгини обратились на молодого офицера. После паузы промолвила все тем же теплым голосом:

– Полагаю, надо бы пригласить и нашу дочь...

Князь дернул за шелковый шнур. Прозвучал гонг, явился дворецкий. Выслушал, поклонился, попятился, а через некоторое время открыл дверь перед Кэт. Она часто дышала, словно бежала вверх по высокой лестнице, щеки разругались, глаза блеснули.

Князь сказал с легкой усмешкой:

– Я знаю надежное средство против любви с первого взгляда.

– Какое? – спросил Александр невольно.

– Взглянуть второй раз.

Александр обратил взор на Кэт. Она была так божественно прекрасна, что у него перехватило сердце. Она смотрела с надеждой, кулачки прижимала к груди, словно боялась, что второй взгляд его разочарует и он от нее откажется.

– После второго взгляда я в самом деле бросился бы на сотню разбойников, – признался он. – А после третьего... я не знаю, на что я способен после третьего взгляда. Мне кажется, чем больше я буду смотреть на вашу дочь, тем больше буду любить ее и заботиться о ней.

Князь и княгиня переглянулись. Александру показалось, что в их взглядах промелькнуло одобрение. Кэт подбежала к нему, ухватила за руку. Вместе опустились перед родителями на колени. Кэт сказала умоляюще:

– Маменька, папенька!.. Моя кузина моложе меня на два месяца, но уже вышла замуж, а вы все еще считаете меня ребенком! Я тоже прошу вас, сжальтесь над нами!

Князь сказал ласково:

– Встань, дитя мое. И ты, храбрый юноша. Кэт, нам очень не хочется отпускать тебя из родительского дома, ты наше сердце... но лучше сейчас, с этим достойным всяческих похвал молодым офицером, чем с каким-либо пустоголовым щеголем, коих так много вокруг тебя вьется.

Он расцеловал их по очереди, затем их целовала княгиня. В ее глазах блеснули слезы. Они с Кэт поплакали, обнявшись, а князь сказал уже деловито:

– Знакомство ваше было быстрым, так что помолвка по обычаю должна быть долгой. Чтобы успели остыть и подумать еще раз. Чтобы ваш брак был так же крепок, как... хотя бы наш с матушкой!

Кэт спросила быстро:

– Когда объявите о нашей помолвке?

– Ну... месяца через два-три. Когда подвернется хороший случай.

Александр кашлянул:

– Простите... не подумайте, что я тороплю из каких-то соображений. Однако меня через две недели отправляют в Санкт-Петербург.

Князь вскинул брови:

– Зачем?

– Мне сказано не было.

– А так бывает?

– Мы люди военные. Я на службе.

Князь покачал головой, не сводя с него пытливого взгляда:

– Даже полковник не знает? Впрочем, он тоже может строить догадки сколько угодно. Да и я, кстати... По крайней мере, если тебя из этой дыры вызывают в Петербург, это что-то значит. По крайней мере, что ты чего-то стоишь. Или в Петербурге полагают, что ты можешь что-то стоить.

Кэт смотрела на Александра остановившимися глазами. В них было отчаяние, там предательски заблестело. Александр чувствовал, как его сердце дрогнуло от сочувствия и жалости.

Княгиня спросила непонимающе:

– Вызывают в Петербург? Такого... юного?

– У него отличный послужной список, – пояснил князь. Он усмехнулся. – Хоть и очень-очень короткий. Что ж, это меняет дело. Я просто не знаю, что мы успеем сделать...

Кэт вскрикнула:

– А на следующем балу? Это будет всего через неделю.

Княгиня молчала, но взгляд, который бросила на супруга, был красноречив и полон мольбы. Кэт прижалась к отцу, голову положила ему на грудь. Князь погладил ее по волосам, вздохнул:

– Будь по-твоему.

Она обняла и горячо поцеловала отца. Князь, обнимая ее одной рукой, похлопал другой Александра по плечу:

– Ну, ежели жизнь торопит... Мы объявим о помолвке в субботу.

ГЛАВА 7

Высший свет Херсона был в шоке, когда князь Вяземский в частной беседе за ломберным столом упомянул о предстоящей помолвке его дочери с юным подпоручиком из местного гарнизона. Она была яркой звездочкой на небосклоне Херсонщины, немало офицеров из высших семей имели на нее виды, добивались благосклонности.

Барон Зигмунд Грессер, услышав эту новость, загнал коня, примчавшись из своего имения ко дворцу князя. Он больше всех надеялся получить руку юной княжны. На балах обычно он танцевал с нею главный танец. Он танцевал бы с нею все, если бы правила приличия не ограничивали одним, да и Кэт благосклонно распределяла внимание между молодыми дворянами из окрестных имений и блестящими офицерами из местного гарнизона.

Ему было двадцать пять лет, он вел дела на землях, принадлежащих Грессерам, и управлял имением, хотя был еще жив его отец и два старших брата. Но братья служили в армии, а отец был слишком болен, почти не вставал, и юный барон взял всю ношу на свои плечи.

Он был высок и статен, силен, сам мог заарканить дикого коня и обуздать его, владел оружием не хуже офицеров, а то и лучше, а своим живым и неукротимым нравом успел нажить себе врагов, но еще больше – друзей. Он был кумиром у местных красавиц, но сам видел только Кэт, говорил только о ней, и хоть не все смирились, что юная княжна в конце концов станет баронессой Грессер, но молва все упорнее связывала их будущие жизни вместе.

Пометавшись по городу, Зигмунд проскакал на взмыленном коне мимо летней площадки городского сада. Там играл оркестр, мелодия была искажена до неузнаваемости, но играли с большим энтузиазмом, группа нарядных людей сидела на скамьях, слушала, изредка хлопала. Среди них Грессер заметил расшитые мундиры офицеров.

Он спрыгнул с коня, швырнул поводья мальчишке:

– Подержи коня! Вернись, дам целковый.

Даже оркестранты заметили высокого и явно рассерженного мужчину, что быстро шел к площадке для оркестра. В его сторону начали поворачиваться головы, переговариваться. Грессера знали в городе все: от губернатора до чистильщика обуви.

Офицеры, ранее встречавшие его недоброжелательно, теперь переглянулись, майор шагнул вперед с распростертыми объятиями:

– Дорогой барон!.. Как давно мы вас не видели, соскучились!.. Не желаете ли пропустить с нами по бокалу шампанского?

– Пока нет, – ответил Грессер коротко.

—А чего-нибудь желаете? – продолжал майор.

– Да.

– Можно нам полюбопытствовать...

Грессер покосился на застывшие в радостном предвкушении скандала лица офицеров. Некоторые поглядывали на статного подпоручика, тот сидел в сторонке. Этого офицера Грессер еще не встречал в свете.

– Все увидите сами, – ответил Грессер коротко.

Подпоручик слушал музыку, лицо его было спокойное, но Грессер, сам собранный и чуткий как зверь, сразу ощутил идущую от него мрачную угрозу. Грессер был высок, но этот подпоручик на полголовы выше, в плечах шире, даже в неподвижности чувствуется звериная мощь и ловкость. Малоросс, вспомнил Грессер, слегка трезвея. Из горячих земель, где даже крестьяне спать ложатся с пистолем под подушкой... там нет крепостных, а казачество – буйная сила. Он сам, если не врут, сын главного гармаша Запорожской Сечи, с детства приучен уступать дорогу только старшим, всегда готов постоять за себя и своих друзей... Впрочем, друзей себе здесь еще не завел, что на руку его противникам.

– Это и есть щенок, о котором столько говорят?

– Он, – радостно подтвердил майор.

– У меня еще много дел, – ответил Грессер коротко. – Важных. Но сперва я должен покончить с одним пустячком.

Он обошел майора и остановился перед подпоручиком. Голос его был резок.

– До меня дошли слухи, что вы, господин подпоручик... – эти слова он произнес с нескрываемым презрением, – осмелились волочить за дочерью князя!

Подпоручик взглянул на него искоса, мимоходом, словно на проползшего мимо жука, продолжал слушать оркестр. Лицо его было спокойное. Грессер сказал закипая:

– Вы мне ответите, молодой наглец!

Подпоручик обратил на него ленивый взгляд. Голос был медленный, но в нем Грессер ощутил ледяную угрозу:

– Вам лучше не требовать ответа.

– Почему?

– Я вобью вам в глотку ваши наглые слова вместе с зубами.

Грессер чувствовал глаза всех собравшихся. Даже далекий оркестр играл медленнее, вразнобой. Там тоже следили за ссорой. Грессер сказал, закипая злостью:

– Что ж, попробуйте.

Он никогда не думал, что человек может двигаться так быстро. Подпоручик внезапно оказался перед ним. Грессер ощутил резкую боль, услышал хруст. Земля и небо несколько раз поменялись местами. В ушах тонко и противно зазвенело, в голове возник тяжелый гул, словно с разбегу ударился лбом о колокол.

Постепенно он начал слышать голоса, увидел обеспокоенные лица на фоне синего неба и понял, что лежит на земле. Он попытался встать, рука подломилась, и он со стоном рухнул обратно. Только тогда ощутил, что по лицу течет кровь, а во рту перекатываются мелкие камешки.

– Вы можете встать, господин Грессер? – спросил кто-то.

Он хотел ответить, закашлялся, выплевывая вместе с кровью крошево зубов. Потом сознание снова поблекло. Он чувствовал, что его тащат по земле, поднимают и несут. И только тогда внезапно понял, что случилось. Нахлынул страх, какого никогда не чувствовал, когда скрещивал шпагу на дуэли или смотрел в черное дуло пистолета. Его передернуло как в судороге, сознание спасительно померкло.

На другой день город судачил, на чем будут драться Грессер и новичок. Грессер владел одинаково хорошо шпагой и саблей, метко стрелял из пистолета. О новичке знали только то, что он один сумел справиться с пятью разбойниками. Очевидцы рассказывали со страхом и восторгом, каким образом он ответил на оскорбление барона.

Все тогда ожидали, что подпоручик с достоинством поднимется, он не трус, знали. Затем снимет перчатку и швырнет к ногам Грессера, а то и прямо в лицо. Может быть, даже отпустит ему хлесткую пощечину. Затем оба назовут своих секундантов и предоставят им выбор места дуэли и оружия. А затем где-то за городом, потому что дуэли официально запрещены, состоится встреча. А там уж либо дело ограничится извинениями, что случается чаще всего, либо легкой раной, ибо дерутся обычно до первой крови.

Но этот смуглый дьявол, доказывая, что под блестящим мундиром офицера находится дикий казак и сын казаков, попросту двинул барона в зубы! И как двинул! Вышиб ему передние зубы, как и обещал, а белыми как жемчуг зубами Грессер гордился и всегда ослепительно улыбался, сломал челюсть и превратил этим одним-единственным ударом всю нижнюю половину лица в кровавое месиво. Это было не по-дворянски, так дерутся разве что простолюдины... но каждый из офицеров, осуждая поступок Засядько, втайне желал овладеть таким ударом. Да и

не как простолюдин ударил, это говорилось со зла и зависти. Простолюдин не ударит так умело и так быстро. Это был удар воина, который сразу убрал противника со своего пути.

Прошла неделя, а о Грессере доходили лишь слухи, что он уже поднимается с постели, врачи хлопочут над изуродованной челюстью, но руки барона все еще трясутся, шпагу или пистолет он еще долго не сможет взять в руки. Александр пожал плечами, а когда кто-то при нем заметил, что дворяне так не поступают, заметил равнодушно:

– Хорошо. Пусть будет по-дворянски. Назовите ваших секундантов, время, место и вид оружия.

Офицер побледнел, выдавил слабую улыбку:

– Да я что... Дорогой Александр, это была только шутка! Прости, ежели задел!

– Ничего, меня задеть трудно.

Его в самом деле задевало не многое. Ему приходилось подсказывать, что его заделали или пренебрегли, он был либо слишком равнодушен к светским условностям, либо просто не знал их. Откуда в Запорожской Сечи знать правила этикета высшего света? Правда, очень скоро в гарнизоне местные бретеры поняли, что новичок постоять за себя может, а вида крови не боится. В первый день, когда только распаковал свои вещи, один из молодых и драчливых насел на новичка, пробовал на храбрость. Дуэль состоялась тут же в казарме, пока двое прапорщиков стояли на воротах, сторожили от начальника гарнизона. Новичок дважды легко обезоружил бузотера, а тот был один из трех лучших фехтовальщиков гарнизона, а когда тот, выведенный из себя насмешками и подбадриванием друзей, осыпал новичка грязной руганью, тот хладнокровно отрубил ему ухо.

На следующий день несчастный, скрываясь от позора, написал рапорт и отбыл из гарнизона, а для Засядько служба началась с гауптвахты.

На очередном балу в присутствии всей знати города было объявлено о предстоящей помолвке дочери князя с подпоручиком Александром Засядько. Правда, подпортило известие о стычке с Грессером, молодой барон пользовался уважением и даже симпатией, несмотря на горячий нрав и готовность идти на обострение отношений. Князь качал головой, княгиня жалела Грессера, даже Кэт мягко упрекнула:

– Саша... Обязательно ли было так?

Александр развел руками, он и сам чувствовал вину:

– Не знаю. Иначе была бы дуэль. А барон мог не остановиться при первой крови.

Ее плечики зябко передернулись:

– Наверное, вы правы. Вы могли его убить вовсе... Но как это ужасно, когда мужчины дерутся!

– Ужасно. Хуже того, они еще и воюют.

Она подняла на него прекрасные глаза:

– Когда вы уезжаете?

– Послезавтра. Я сразу же напишу, едва узнаю, куда меня направляют и на какое время.

– Я люблю вас, Саша!

– Я люблю вас, Кэт.

Он коснулся ее губ, намереваясь это сделать легко, но знакомый жар охватил так внезапно, что голова закружилась, его пальцы сжали ее хрупкие плечи, а ее губы недолго были тугими, как спелые вишни, расплавились, обожгли в ответ, он погрузился в сладкую агонию, вбирая ее сладость, ее запахи, ее нежность. Ее сердце стучало часто-часто, а грудь уже не вздымалась, прижатая к его твердой груди так плотно, словно они уже стали единым существом.

Усилий, которые он предпринял, чтобы заставить себя оторвать свои жаждущие губы от ее, горячих и обещающих, хватило бы своротить гору. Она взглянула на него так, словно он обидел ее:

- Саша...
- Я люблю вас, Кэт. Я вернусь сразу же. Я вернусь быстро!
- В ее больших голубых глазах блеснули слезы.
- Я буду ждать, Саша. Как я буду ждать!

Он сбежал по мраморной лестнице окрыленный и взволнованный. Серый мир вне дворца, где было все так радушно и радостно, встретил сухой пылью на улице, мусором на тротуарах и руганью пьяных извозчиков, но Александр все еще видел чистое лицо Кэт, понимающие глаза князя, добрую улыбку княгини.

Ноги сами несли его, он почти не касался земли. Сейчас даже Грессеру бы бросился на шею. Все-таки переборщил, надо бы с бароном как-то попробовать миром. Тот понял бы, что оскорблениями да дуэлями любимых женщин не получают. Мы только предлагаем себя, а выбирают они...

Чей-то голос окликнул его. Он вскинул голову и увидел, что рядом уже некоторое время едет легкая карета с открытым верхом. На козлах сидит дюжий мужик в роскошной ливрее, на него косится изумленно и насмешливо. В карете ехали двое, покачиваясь на мягких сиденьях. Юноша с бледным лицом, одетый изысканно, чуть постарше его самого, и грузный мужчина, похожий на переодетого медведя. Юноша приятно улыбался, а мужчина прорычал:

- Это невежливо, наконец! Я сейчас тебе переломаю кости!

Засядько виновато улыбнулся:

- Извините... Я задумался, не услышал вас сразу. Еще раз извините.

– Я орал! – сказал мужчина свирепо. – Чуть кони не понесли! А вот там уличные торговцы разбежались в испуге!

- Еще раз извините, – повторил Засядько.

Карета остановилась, молодой человек наклонился, глядя в лицо Засядько. У него было бледное, слегка утомленное лицо, пухлые губы и слегка покрасневшие глаза.

- Я слышал о вас, – сказал он.

Засядько продолжал идти. Сзади слышались негодующие возгласы, затем копыта зацокали снова. Карета, судя по стуку колес, нагоняла. Два голоса спорили, наконец медведь умолк, рассерженно ворча, а бледный юноша сказал с укором:

- Это невежливо – так прерывать разговор.

- А он был?

- Я же с вами разговаривал!

- А я нет, – ответил Засядько холодно.

Карета двигалась вровень с шагающим офицером. По лицу юноши пошли розовые пятна. Он сказал все тем же тихим голосом, но теперь в нем тоже прозвучала угроза:

- Мой управляющий сказал, что это невежливо. Теперь я вижу, что он прав...

– А вежливо, – поинтересовался Засядько, не замедляя хода, – разговаривать из кареты? Мне кажется, я пока что не ваш управляющий или прочая челядь.

Грузный мужчина взревел, сделал движение броситься на дерзкого. Юноша придержал его ленивым движением руки. Тут же остановилась и карета. Засядько сделал еще два шага, повернулся. Юноша нехотя вылез из кареты, держась за поручень и внимательно следя за лицом молодого офицера. Засядько смерил холодным взглядом медведя-управляющего.

– Может быть, тот жирный пес, что гавкает из-за вашей спины, – предложил он, – спустится тоже?

Юноша сказал предостерегающе:

- Он сломает вас двумя пальцами.

- Я дам ему этот шанс.

Медведь всхрапнул и начал вылезать из кареты. Юноша, не отводя взгляда от лица поручика, внезапно улыбнулся:

– Не стоит затевать ссору. Я верю, что господин Засядько умеет за себя постоять. Даже если придется обойтись без сабли. Барон Грессер это подтвердит.

Медведь недовольно хрюкнул, посмотрел еще раз в глаза, из которых на него смотрела сама смерть, опустился обратно. Сиденье продавилось почти до рессор, а карета склонилась на ту сторону.

– У меня к вам предложение, – сказал юноша. – Я – Дмитрий Мещерский, из рода Мещерских. Наши земли лежат по ту сторону реки и тянутся через леса до самого...

Засядько нетерпеливо оглянулся. Дмитрий из рода Мещерских нахмурился, в глазах мелькнули обидчивые искорки. Похоже, его за всю жизнь столько раз не прерывали, не ставили на место, сколько за эти минуты. Но совладал с собой, закончил торопливо:

– Да, это вам неинтересно. Я слишком увлекаюсь родословными. У меня к вам предложение. Не могли бы мы заехать ко мне в имение, это совсем рядом, там обсудить...

Засядько покачал головой:

– Нет.

– Почему?

– Я занят. Я тороплюсь на службу.

– Пустяки! – воскликнул юноша. – Мой кучер домчит вас во мгновение ока! У меня самые быстрые кони во всей Херсонщине.

Прохожие останавливались в сторонке, указывали на них друг другу кивками. Засядько уже знали в свете, а хозяина этой кареты, как и саму карету, видимо, знали во всем городе.

– Говорите здесь, – предложил Засядько.

Потомок знатного рода покачал головой:

– Обстановка не та.

– Ничем не могу помочь, – сказал Засядько сухо, потомок ему не нравился, – извините.

Он повернулся и пошел, не обращая внимания на голоса и крики. Колеса снова застучали по булыжнику мостовой, и Засядько на всякий случай отошел от края тротуара. Он шел, почти касаясь плечом стены, уши ловили каждый шорох.

Нет, медведистый остался на месте, а карета некоторое время катила у самого бордюра. Засядько услышал голос Мещерского, в котором звучала нескрываемая досада:

– Если дело только в службе, то я мог бы договориться с вашими командирами!

Что это за командиры, подумал Засядько обозленно, если с ними каждый богатый проходимец может договориться. Уверен, что с Суворовым не договорятся о каком-либо нарушении дисциплины ни князь Вяземский, ни сам император Павел!

Вслух он бросил сухо:

– Вы правы. Не только.

Карета катила, медведистый рычал, бледный юноша некоторое время изучал спокойно шагающего офицера. Тот опасен, как шаровая молния, в каждом движении таится угроза. По тому, как он расправился с Грессером, видно, что может соблюдать правила, а может и пренебречь ими с легкостью, непостижимой для дворянина. Но победы добиваться умеет. И сдачи дает.

– Хорошо, – крикнул он с натужной бодростью, —я как-нибудь сам навещу вас в гарнизоне!

Кучер придержал коней, и Засядько пошел свободнее, не слыша цокота подков.

ГЛАВА 8

Когда на следующий день ему сказали, что к нему посетитель, Засядько уже знал, что «как-нибудь» таит за собой что-то срочное, жизненно важное для потомка знатного рода.

Он угадал. Мещерский уже ждал у коменданта. После сухого приветствия, на этот раз и Дмитрий не скрывал, что пришел без особой охоты, они вышли. Миновав караульного, оказались на берегу реки. Деревья шумели листвой вдалеке, чахлая трава едва доходила до щиколотки.

– Здесь нас никто не подслушает, – сказал Засядько. – Вы этого хотели? Даже ваши люди, что изображают вон там зевак...

– Что вы, – оскорбился Мещерский, но по его глазам Засядько понял, что угадал.

– Как хотите, – сказал Засядько.

– Ладно-ладно, – проговорил Мещерский торопливо. – Это моя маменька. Всегда ко мне приставляет всякого рода нянек. Сперва толстых баб, теперь – бородатых мужиков. Но как вы заметили?

– Не знаю, – ответил Засядько равнодушно. – Просто заметил.

Звериное чутье, понял Мещерский. Он из края, где выживают сильнейшие. Там взрослеют рано. А кто не успевает...

А вслух сказал:

– Александр Дмитриевич... У меня к вам несколько странное предложение. Но возьмите себя в руки и выслушайте. Не понравится, просто откажитесь. Мы же не дикари, в самом деле! Необязательно ругаться, кричать и все такое разное...

Он не пояснил, что это «все такое разное», но кому нужно объяснение, кто видел или слышал, что случилось с Грессером?

– Говорите, – пригласил Засядько.

Мещерский развел руками, зачем-то отступил на шаг:

– Я знаю, вам неприятно слышать, когда бахвалятся землями, десятками деревень с крепостными, дворцами в Петербурге и Москве... Но у иных, кроме богатств, унаследованных от предков, ничего нет. Ни своего ума, ни отваги, ни жизненной силы. Что им еще остается?

Засядько смерил его взглядом:

– Я это уже заметил.

Красные пятна вспыхнули на скулах знатного потомка, но он сдержал себя, только голос стал еще сдержаннее, точнее в интонациях:

– Да, у меня примерно так. Правда, я не считаю себя обделенным жизненной силой. На мне знатный род, надеюсь, не прервется... но это так, к слову. Вы родом из Малороссии? Государыня, после того как ввела войска в Запорожскую Сечь и упразднила тамошнее самоуправление, пожаловала моему отцу обширные земли. Там что-то около трех десятков деревень, леса, озера, богатые пашни, старинные замки или что-то в этом роде... Но там постоянно бунты, льется кровь, малороссы не смиряются с потерей независимости. Отец там побывал лишь однажды, да и то без охотки. Вам не покажется странным, если я... предложу вам эти земли?

Засядько смотрел в упор. Потом в глазах мелькнул опасный огонек. Мещерский отступил еще на шаг. Голос Александра был ровным, даже слегка насмешливым:

– Нет.

Голова Мещерского дернулась, будто получил удар в челюсть. Расширенными глазами взглянул, словно на призрак:

– Почему?

– Такое не предлагают незнакомому человеку даром. Видимо, у меня есть что-то ценное на обмен. Верно?

Мещерский совладал с собой, нехотя кивнул:

– У вас есть Кэт. У барона Грессера на самом деле не было шансов, что бы он ни говорил и как бы ни надеялся. Я был гораздо ближе, чтобы получить ее руку. Грессер – отважный и горячий дурак, он умеет работать до двадцати часов в сутки, прыгает на диком коне через ограды, но все еще не умеет говорить женщинам то, что они хотят услышать. Я – умею. И я был близок к моменту, когда просил бы руки Кэт... и не получил бы отказа, но тут появились вы. Слава богу, отважный Зигмунд первым налетел на вас. Боюсь, что я мог бы совершить что-то подобное... пусть не так лихо и безрассудно. Но я хорош еще и тем, что умею учиться на чужих ошибках.

Деревья приблизились, листва громко шумела под свежим ветром. Становилось зябко. Мещерский ежился, нос посинел, щеки побледнели. Засядько повернул обратно, и Мещерский с готовностью последовал его примеру.

После недолгого молчания Засядько сказал ровным голосом:

– Вы уже знаете, что я отвечаю.

Мещерский взглянул жалко, но в глазах была бессильная ярость.

– Догадывался с самого начала. Честь, верность слову... Вы не замечаете, что наступают новые времена. Мужчины перестанут стреляться из-за женщин, вообще перестанут стреляться, и скоро уже никто не пустит пулю в висок из-за пятна на чести...

Засядько покачал головой:

– Такие времена никогда не наступят.

– Наступают! Так вы в самом деле не хотите принять в дар... оформленные по всем правилам с нотариусами и свидетелями богатейшие земли в Малороссии? Всего лишь за отказ от руки княжны, с которой вы все равно никогда не будете счастливы?

Засядько взглянул в упор. По спине пробежал неприятный холодок.

– Почему?

– Вы ведь гордый и независимый человек! И вдруг окажетесь в такой незавидной роли? Вас будут знать не как Александра Засядько, а как мужа богатой и знатной княжны. Это не уязвит ваше самолюбие? Уязвит, знаю. Начнутся ссоры, взаимные недовольства, скандалы. Чем все кончится, не могу предвидеть, уже зная ваш горячий характер. Так не лучше ли расстаться сейчас, пока все так красиво и романтично?

Мрачные стены гарнизона приближались, давили недоброй мощью. Оттуда несло нежилым, хотя был слышен стук прикладов упражняющейся роты рекрутов.

– Я приму то, что пошлет судьба, – сказал Засядько негромко. – Никто из нас не зрит, что будет впереди.

Он поднялся на крыльцо, повернулся к Мещерскому. Тот уже подал знак, его люди перестали изображать зевак, спешно гнали повозку в его сторону.

Мещерский сказал с кривой улыбкой:

– Так я и поверил, что будете ждать, что пошлет судьба! Каждый из нас старается взять ее за рога, каждый пытается заглянуть в завтрашний день... Как вы понимаете, я все-таки не оставляю попыток разрушить ваш союз... пока это еще возможно.

– Вы просто обязаны пытаться, – ответил Засядько.

– Конечно, попытки будут продолжаться только до момента, когда вы встанете под венец. На святость семейной жизни я не покушаюсь...

Засядько скупо улыбнулся:

– Ну вот, а вы еще отрицаете правила чести!

– Рудименты, – отмахнулся Мещерский. – Остатки зачатков, что всобачили в меня бонны...

Подъехала карета. Мещерский торопливо вскарабкался, управляющий заботливо укрыл ноги хозяина толстым шотландским пледом. На Засядько смотрел злобно, но Александр его проигнорировал, как ползающую по спине кучера муху.

– Не скажу, что было приятно с вами разговаривать, – сказал Мещерский, – но разговор для обоих был бесполезный.

Он поклонился и кивком велел кучеру трогать. Засядько проводил их взглядом и пошел к своей роте. Он все еще не чувствовал холода, в груди было горячо, сердце стучало мощно и уверенно.

Революционный пожар во Франции грозил захлестнуть всю Европу. Сбросив короля, отменив привилегии высшего сословия, революция не утонула в крови. Напротив, доказала свою жизнеспособность. Молодой генерал Бонапарт, подобрав себе таких же соратников – кто из сапожников, кто из садовников, кто из землекопов, – делал их маршалами, ставил во главе голодных и скверно вооруженных войск, и – диво и позор для Европы! – они с легкостью били прекрасно обученные, сытые и отменно вооруженные армии окрестных королей.

Его маршалы Макдональд и Моро вторглись в Италию, сбросили прогнивший королевский режим, отменили средневековые порядки, установили законы, перед которыми – неслыханное святотатство! – и дворяне и простолюдины были равны. Для простого сословия был открыт доступ к высшим должностям, как и в университеты, лицеи. Народы радостно принимали французскую армию, хотя, как надеялись короли, должны были оказать яростное сопротивление захватчикам.

Короли встревожились, под угрозой оказалась их власть уже во всей Европе. Революционная Франция шагала победно по всему континенту. Армии королевских режимов были разбиты вдребезги. Оставался непобежденным разве что северный гигант, который точно так же шагал от победы к победе. Если их столкнуть...

Павел I после долгой переписки с королевскими дворами вызвал к себе фельдмаршала Суворова. Коротко изложив суть дела – он не любил Суворова, – напутствовал его словами, ставшими крылатыми: «Иди спасай царей!»

Суворов, действуя в свойственной ему стремительной манере, собрал армию в самые кратчайшие сроки и бросил ее в Италию навстречу блистательным армиям французов. Для этого неслыханного похода он усилил армию лучшими боевыми офицерами, а также теми из молодых и необстрелянных, которые успели себя зарекомендовать в воинском искусстве.

Один из этих молодых и был Александр Засядько.

Он написал:

«Милая Кэт! Я отправляюсь со своим батальоном в Италию, это более не секрет. Мы должны разбить революционные войска, вернуть Италию правящей династии, после чего я тут же вернусь, несмотря на то, что войска могут остаться гарнизонами в Италии, так об этом поговаривают.

Сообщи, пожалуйста, об этом князю и княгине. Свадьбу можно назначить через неделю после моего возвращения, а по мне, так и прямо в тот же день!

Я люблю тебя, Кэт. Ты снишься мне каждый день. Я считаю дни, когда я смогу вернуться и прижать тебя к груди.

Твой любящий Александр».

Ответное письмо догнало его уже на границе Российской империи:

«Дорогой Саша! Я буду ждать, сколько бы ни потребовалось. Я тебя люблю, каждый вечер засыпаю с твоим именем на устах. Я вижу тебя во сне, я вижу тебя в каждом человеке, на чьих плечах блестят эполеты. Я буду молиться, чтобы судьба сберегла тебя, чтобы Господь был

милостив, чтобы ты вернулся невредим. Но даже если вернешься больным или раненым, все равно останешься для меня таким же молодым, красивым и сильным. Я люблю тебя, Саша, и буду век тебе верна!

Любящая тебя и преданная Кэт».

Засядько ощутил, что раненный под ним конь валится на бок. Еще миг – и оба рухнули в воду. К счастью, берег был близко. Засядько вскочил на ноги. Стоя по колено в теплой, как остывающий чай, воде, выхватил шпагу, звонко и отчаянно крикнул:

– Вперед! Не задерживаться!

И бросился на берег, где в панике суетились французские солдаты. Мимо него, выставив пики и пригнувшись к холкам лошадей, с гиком пронеслись казаки. Остальные торопливо выводили лошадей на берег, вскакивали в седла и тоже бросались в атаку.

– Вперед! – кричал Засядько. – Нужно захватить лагерь.

Появление русского отряда было полнейшей неожиданностью для французов. Основные части Суворова ударили по их армии ниже по течению Адды, никто не ожидал десанта в этом месте. Да и сам Засядько не собирался вступать в бой по собственной инициативе, пока не подвернулась очень уж удачная, по его мнению, позиция для удара в тыл 8-го гренадерского полка французов.

Казаки умчались, и тут же из-за укрытия выскочил ошеломленный офицер, почти мальчик. Увидев русского, он торопливо выхватил саблю.

– Сдавайтесь! – крикнул Засядько по-французски.

Однако следом за офицером откуда-то появились два гренадера. Со штыками наперевес они ринулись на русского офицера.

Засядько отпрыгнул к валу, чтобы никто не зашел со спины. Первый натиск отразил довольно легко: один гренадер выронил ружье и схватился за пронзенную грудь. Зато второй отбросил ружье и подхватил чей-то огромный палаш. Вдвоем с офицером они напали на противника. В воздухе сшиблись, звеня, три клинка.

Офицера Засядько не опасался: у того была раззолоченная сабелька, больше пригодная для парадов, но гренадер рубил неистово. При каждом ударе приседал и свирепо хакал.

– Увалень, – прорычал Засядько. – Сила есть, ума не надо.

Сильным ударом он отбросил далеко в сторону сабельку офицера и повернулся к гренадеру. Это был рослый усатый воин, видимо, уже побывавший с Бонапартом в его блистательных походах. Однако он побледнел, встретившись с горящими глазами русского.

Засядько прыгнул. Гренадер вскинул палаш, защищаясь, однако Александр уже изменил направление удара, и противник рухнул. Так рубились на Сечи деды и прадеды... Пригодились годы изнурительных упражнений в фехтовальном зале.

Подоспел офицер с саблей. Засядько перевел дыхание, однако француз, взглянув на сраженных соратников, побелел и бросил саблю на землю. Засядько подобрал оружие. Офицер опустился на землю и обхватил голову руками.

– Перестаньте, – сказал Засядько сурово. – Вы же мужчина! Сколько вам лет?

– Скоро будет двадцать два, – прошептал офицер.

Засядько не нашелся, что ответить. Ему самому на днях исполнилось двадцать лет. Правда, за два месяца непрерывных боев пришлось столько раз вступать в рукопашные схватки, что другому бы хватило на всю жизнь. Трижды под ним убивали коней, дважды простреливали кивер, неоднократно он оказывался один против десятка противников, но всегда оставался цел и невредим. В сабельных схватках ему не было равных: он с легкостью сражался один против пяти и всегда побеждал. Его шпага сверкала как молния, и неприятелю казалось, что у неистового русского сто рук и сто шпаг. Он успевал трижды пронзить противника, пока тот делал один-единственный выпад.

Бывалые воины, которые начинали службу с Суворовым, дивились новичку и пророчили ему великие подвиги. Но старшие офицеры косились. Молодой подпоручик слишком самостоятелен, принимает решение за старших, не однажды брал на себя командование крупными отрядами взамен растерявшихся... Это задевало самолюбие, к тому же пошли разговоры, что молодой офицер чересчур близок с нижними чинами, не держит дистанцию. Вроде бы француз видит лишь через прицел, но успел от них набраться вредного вольтерьянства!

ГЛАВА 9

На следующее утро после удачного десанта Засядько вызвали к Суворову. Он поспешил в штаб-квартиру полководца, зная, что фельдмаршал любил быстрых людей.

Возле домика, где располагался штаб, было сравнительно тихо. У коновязи топтались, пофыркивая, две низкорослые казачьи лошадки. На пороге сидел часовой и пытался вдеть нитку в иголку. На Александра он только взглянул искоса, всецело поглощенный своим занятием, даже не подвинулся.

Засядько перешагнул порог и оказался в светлой просторной комнате. Фельдмаршал стоял к нему спиной, рассматривая расстеленную на столе карту. Один край ее загибался, и Суворов придерживал ее ладонью. Он был в простой белой рубашке, и его можно было бы принять за старичка крестьянина, если бы букли и хохолок не выдавали представителя привилегированного сословия.

На стук шагов он обернулся, пристально посмотрел на молодого исполина. Рядом с Александром он казался еще меньше ростом и более шуплым. К тому же Засядько был застегнут на все пуговицы и стоял навывтяжку, а Суворов, спасаясь от итальянской жары, расстегнул рубашку почти до пояса. В глаза бросалась плоская грудь с дряблой старческой кожей, поросшей редкими седоватыми волосами.

– Чем вы руководствовались в своем решении? – спросил вдруг очень быстро и резко Суворов.

– «Наукой побеждать»! – отчеканил Засядько без малейшего промедления.

На лице Суворова промелькнула улыбка. Он ревностно следил, чтобы в армии изучали его книгу по боевой тактике.

– А чем именно?

– Удивить – значит победить! – выпалил Засядько.

Суворов довольно улыбнулся, отпустил карту. Та, шурша, свернулась. Фельдмаршал прошелся взад-вперед, исподлобья поглядывая на молодого офицера.

– Что же все-таки мне с вами делать? – сказал он неожиданно жестко. – Переправившись через реку, вы оголили левый фланг шестого мушкетерского полка и австрийского корпуса. Вы хоть понимаете, что наделали?

– Я не защищался от противника, а бил его, – ответил Засядько. – Теперь австрийцам и шестому полку нечего делать. А мне не от кого их защищать.

Видно было, что фельдмаршалу нравились молниеносные и четкие ответы. Он терпеть не мог «немогузнаек» и тугодумов. Но в отношении этого молодого офицера он еще не принял решения. Хорошо, когда солдат быстро и правильно выполняет приказы. Однако если каждый офицер начнет действовать в соответствии с собственными планами, то армия развалится...

– Вы поступили верно, – сказал Суворов, – но дисциплина есть дисциплина. Особенно в действующей армии. Что же мне с вами делать?

– «Как солдат – я заслуживаю наказания и отдаю свою шпагу. Как русский – я выполнил свой долг», – выпалил Засядько.

Суворов от неожиданности даже отпрянул, затем неудержимо рассмеялся. Это были его собственные слова после одного из сражений в Польше. Он тогда с восемью сотнями казаков напал врасплох на пятитысячное войско гетмана Огинского и наголову разбил поляков. Начальник отдал его под суд. Однако Екатерина II прекратила дело словами: «Победителей не судят». И вдобавок Суворов получил награду.

– Ой, хитер! Ой, хитер!

Суворов даже ногами затопал от удовольствия. Видно было, что ему очень приятно вспомнить молодость.

– самого Талейрана перехитришь! – воскликнул фельдмаршал, вытирая выступившие от смеха слезы. – Верно, победителей не судят. Аль судят?

– Вам виднее, – ответил Засядько.

– Ха-ха!.. И это верно. Ладно, такому герою стыдно все еще ходить в подпоручиках. Поздравляю вас, поручик Засядько!

Александр щелкнул каблуками, Суворов остановился перед ним, задрал голову, чтобы встретить взгляд новопроизведенного поручика, однако голос фельдмаршала звучал сурово:

– Имейте в виду, я стал поручиком лишь в двадцать пять лет! Вас ждет еще более скорая военная карьера. Будьте же ее достойны. О том, как вы владеете саблей, по всей экспедиционной армии ходят легенды, но теперь вы должны показать себя и умелым начальником.

Засядько был уже в дверях, когда Суворов остановил его:

– Вас дважды представляли к боевым орденам. Но я вычеркнул! Знаете почему?

Александр пристально смотрел на фельдмаршала. Глаза того сузились, теперь он смотрел недоброжелательно. Ноздри раздувались как у хищной птицы, на бледных щеках выступили багровые пятна.

– Ну... здесь мне позвольте заколебаться, – ответил Александр осторожно.

– Почему?

– Это может касаться таких дел, которые необязательно знать боевому офицеру.

В глазах Суворова на миг промелькнула искра понимания, но голос оставался раздраженным:

– Да, вы прекрасный боевой офицер. Я терпеть не могу паркетных шаркунов, а вы... вы... Я любил бы вас, если бы не ваши разговорчики и рассказы на цивильные темы.

Александр вытянулся:

– Простите, не понимаю.

– Я имею в виду, – повысил голос Суворов, – в армии нет дела до того, как я веду дела в своем имении!

Александр щелкнул каблуками, вытянулся.

В роте Засядько было двое из деревни, что находилась по соседству с владениями Суворова. От них он узнал и о том, как по приказу Суворова мужиков забивали кнутом насмерть, девок по приказу генерала-барина отдавали на потеху гостям, узнал и о восхитившем многих эпизоде с заселением новой деревни. Этот случай передавался из уст в уста, обошел столичные салоны. Что потрясло Засядько, так то, что никто не осудил, всяк восхищался находчивостью храброго генерала.

А началось с того, что Суворов купил большую деревню, но совершенно пустую. Чтобы заселить, он купил у соседних помещиков молодых парней и девок. Но это домашний скот загоняют в общий хлев, на том и все, а русские – народ религиозный, православная же церковь всегда послушна любой власти: Суворов по дороге повел купленных в церковь. Перед церковью велел парням: «По росту становись!» Парни послушно встали: слева – самый высокий, крайний правый – самый низенький. Точно так же выстроил и девок. Новая команда: «Колонной по двое в церковь – шагом марш!» Поп быстренько обвенчал всех – когда церковь выступала против произвола самодуров? – а по дороге домой все растерялись, начался плач, стоны. Все позабыли, кто с кем венчался! Нет чтобы разобраться, кто кому больше нравится, но нет же, как же, с другим повенчаны... Благодетель Суворов и тут помог. Рывкнул: «Дурни, по росту становись!» И сразу все нашли свои пары. Вот какие глупые крестьяне, вот какой находчивый и остроумный фельдмаршал Суворов!..

И вот такая православная церковь, подумал Засядько хмуро. Да и что о ней сказать? Даже злодеяний сумасшедшей помещицы Салтычихи, что зверски замучила сотни крепостных, вроде бы и не заметила...

В захваченный Милан Засядько въехал с нашивками поручика. Население города тревожно ожидало дальнейшего развития событий. Только что здесь была французская армия, теперь пришли русско-австрийские войска. Французы принесли с собой революционные порядки, сбросили монархию и ликвидировали остатки феодальных отношений, а на штыках двух императорских армий наверняка вернется старое...

Когда офицеры пустились рыскать по городу в поисках увеселительных заведений, Засядько знал, куда он поедет. К его удивлению, один попутчик все же отыскался. Это был Аркадий, сын Суворова, который успел зарекомендовать себя храбрым офицером, хотя сначала боевые офицеры и относились к нему с предубеждением. Все знали, что с одиннадцати лет он находился при дворе, получая чины и награды за отцовские заслуги. Однако в первом же бою Аркадий, не дрогнув, встретил конницу французов, отразил атаку и сам во главе батальона бросился в погоню. Он был мал ростом, тщедушен и хил, не отличался отцовскими талантами, однако в полку за несомненную отвагу к нему относились терпимо.

– Трактиры, – сказал Засядько полувопросительно, – заведения в Италии веселые – вино и девушки... Ты за этим?

Аркадий застенчиво улыбнулся, показывая мелкие больные зубы.

– Нет... Пить я не люблю. У меня потом голова болит. Я лучше пройду по музеям, древним дворцам, посмотрю памятники.

Александр огляделся по сторонам.

– Здесь каждый дом – музей, дворец или исторический памятник. Сама площадь Пьяцца дель Дуомо – история. Вон там видны стены, сложенные еще римлянами... Слева – церковь Сан-Лоренцо-Маджоре, ее построили в четвертом веке после Рождества Христова...

– Откуда ты все знаешь? – удивился Аркадий. – Ты здесь жил? Или бывал?

– И жил, и бывал. В воображении.

Аркадий сначала смотрел оторопело, потом понял и рассмеялся:

– Здорово! Переносился на крыльях мечты. Ты любишь сказки?

Засядько ответил уклончиво:

– Для меня любое явление природы – сказка и лучшая в мире поэзия. А самые любимые сборники поэзии – разные энциклопедии и справочная литература...

– Неужто ты такой сухарь? – испугался Аркадий.

– Разве не видно?

Аркадий окинул поручика пристальным взглядом. Тот был почти на голову выше. Он выглядел как гора, как скатанная в узел молния. А в движениях он был как огненный конь в бешеной скачке, полный сил. Мускулы его двигались как удавы под темной от солнца кожей. Белые зубы блестели в усмешке, но в темных глазах всегда проскальзывали искорки грозы.

– Красивый ты, черт, – сказал он завистливо. – Итальянки с ума по тебе сходить будут. Представляю, сколько детей начнет говорить по-украински!

Засядько засмеялся. На груди под мундиром лежало письмо от Кэт. От него еще пахло тонкими французскими духами, но ему казалось, что пахнут ее волосы, ее кожа. Она писала, что идут дожди, балы все такие неинтересные, все серо и скучно. Она долго думала, почему вдруг так, пока не поняла, что серо и тоскливо стало после его отъезда, и теперь для нее всегда будут идти дожди и дуть холодный ветер, пока он не вернется и не схватит ее в свои хищные объятия.

– У меня есть своя итальянка, – сказал он торжественно. – И никакие женщины мира...

– Откуда? – загорелся Аркадий. – Из Венеции? Там очень красивые женщины.

– Моя Венеция – дома. Как и вся Италия.

Они выехали на широкую улицу, и тут Аркадий внезапно остановил коня. Засядько нетерпеливо кивнул. Дескать, поехали, здесь нет ничего достойного внимания. Залитая солнцем пыльная улица, полуразрушенные дома, о ремонте которых давно никто не заботился,

на стертых ступеньках сидит молодой итальянец с гитарой на коленях. Небрежно перебирая струны, поет. Томно, проникновенно, полузакрыв глаза. Ресницы длинные и густые, как у женщины.

Аркадий зачарованно смотрел на уличного певца. Тот был одет в лохмотья. Правда, выглядели они на нем как одеяние вельможи. Певец сидел в небрежной позе. Ему было явно безразлично, смотрит кто на него или нет. Он наверняка пел и играл для собственного удовольствия.

– Поехали, – сказал Засядько нетерпеливо.

– Да ты только посмотри на него! В тряпках, а держится как принц, – сказал Аркадий восхищенно. – А как поет, как поет! Действительно, Италия – страна певцов и музыкантов.

И нехотя пустил коня вслед за Александром. Засядько ехал с каменным лицом. Песня уличного музыканта ему понравилась, однако у молодого поручика имелись и свои соображения. Он не хотел высказывать их сыну фельдмаршала, чтобы не портить тому очарования.

Через несколько минут им попала бегущая группа возбужденных людей. Они гнались за каретой, что-то восторженно кричали. Некоторые потрясали листками бумаги.

– Что случилось? – спросил Засядько у одного из бегущих.

– Проехал великий Мадзони!

– Все понятно, – кивнул Александр и пустил коня в галоп.

Аркадий, не понявший ни слова по-итальянски, догнал его и поинтересовался:

– Чего это они?

– Проехал великий Мадзони, – ответил Засядько со злой улыбкой.

– Кто это?

– Дирижер. Ставит «Лодоиску» Керубини.

– А-а-а... – протянул разочарованно Аркадий. – А я думал, что по крайней мере сам Керубини... Кстати, где он? Может быть, мы и его увидим?

– Если приедем в Париж. Он сейчас там. Сочиняет музыку для революционных праздников и траурных церемоний.

– А оперы?

– Лучшие оперы он написал здесь, – ответил Засядько, невольно демонстрируя свою музыкальную эрудицию, – «Элиза», «Медея»...

Аркадий хлопнул ладонью коня по шее и расхохотался.

– Но как встречают дирижера, а? Нет, этот народ действительно помешан на музыке! Божественный народ.

– Не понимаю, что тебя восхищает, – ответил Засядько сухо. – На их земле сражаются друг с другом иностранные армии, а они поют! Здесь с огнем и мечом проходили вестготы, вандалы, войска Фридриха Барбароссы, здесь сражались друг с другом армии Испании и Франции, Австрии и Франции, а теперь вот русско-австрийские войска дерутся с французскими. А итальянцы – поют! Прости, но меня этот поющий принц в живописных лохмотьях не трогает. Представь себе, что другие страны воюют друг с другом на территории России, словно бы ее и не существует!

– Ах, – сказал Аркадий с неудовольствием, – я совсем не смотрю так... Просто люблюсь.

– Я тоже люблю петь, – заметил Александр жестко, – но только не тогда, когда в моей комнате хозяйничают чужие люди, ломают мебель и рвут книги. Тебе же советую поспешить к памятникам и музеям, а то при таких хозяевах скоро и от них ничего не останется! Как не осталось от гордых римлян, что перестали заботиться о защите своего Отечества, а поручили это обременительное занятие варварам.

– Ты так думаешь? – спросил Аркадий встревоженно.

Засядько подтолкнул товарища в спину:

– Не теряй времени!

Аркадий послушно пришпорил коня. Простучали подковы по камням мостовой, взметнулась пыль. Зеваки шарахнулись в стороны, кто-то сердито закричал.

Экипажи бодро катили нескончаемыми рядами, колеса стучали весело, и Засядько, вместо того чтобы засматриваться на живых и хорошеньких итальянок, ехал, глядя перед собой, дивился ровным плитам. На Руси даже в больших городах не всегда вымощена булыжником даже центральная площадь, чаще – бревна да доски, а то и вовсе утоптанная земля, где после мало-мальского дождя образуются непролазные лужи, а здесь огромные широкие плиты вырезаны то ли из лавы, то ли привезены из дальних каменоломен, но хотя их еще древние римляне положили, а служат и доныне...

То и дело проплывали носилки, шторы обычно были плотно задвинуты, разносчики зелени наперебой предлагали свой товар, нещадно дымили переносные жаровни, на которых жарились мясо, рыба, кукурузные и хлебные лепешки, макароны, каштаны. Пронзительно кричали продавцы холодной воды, на прямых коромыслах колыхались широкие ведра с закрытыми крышками.

Много нищих, отметил Засядько. Но даже нищие здесь держатся гордо, каждый даст фору российскому дворянину, а то и польскому шляхтичу. Дворянин привык гнуться перед вельможами выше себя, а этим нищим сам король не страшен: что с них взять?

Ага, вот оно! Он остановился. Аркадия услал еще и потому, что как раз проезжал мимо Кастелло-Сфорцеско, где в Зала-делла-Ассе фрески были сделаны по эскизам самого гениального из людей – Леонардо да Винчи. Перед творением великого мастера хотелось предстать одному, чтобы никто не мешал. Потом, если будет время, он покажет Аркадию и «Тайную вечерю», которая находится в трапезной Санта-Мария-делла-Грации, и многие памятники, которыми так богат древний Милан, но это потом...

Удивленный библиотекарь вежливо подал русскому офицеру затребованные им материалы. Засядько отыскал укромный уголок и углубился в чтение. Это были изданные на итальянском языке записные книжки и рукописи Леонардо. Ученый не оставил систематического изложения своих мыслей, среди семи тысяч листов хозяйственные счета попадались так же часто, как и удивительные по проницательности догадки.

Просматривая записи, Засядько ощутил благоговейный трепет. Даже сейчас, спустя триста лет, многое поражало дерзновеннейшим предвидением. Проекты металлургических печей и прокатных станов, ткацкие станки, печатные, деревообделочные, землеройные и прочие машины, подводные лодки... Многие и сейчас кажутся немыслимыми, правда, не ему, а тем смелым, но недалеким людям, что с криками «ура» бросаются друг на друга и убивают, убивают, убивают... И сейчас еще они убеждены, что Земля плоская, а небесная твердь – хрустальная. А те, что правят, не лучше их и не умнее. Триста лет прошло, а почти ничего из великих начинаний Леонардо не осуществлено! Принимается лишь то, что понятно и невежде: например, картины и фрески, да еще красочные придворные феерии и некоторые военно-инженерные сооружения. А конструирование летательных аппаратов все еще считают и долго еще будут считать ошибкой или заблуждением великого гения.

Засядько на мгновение прикрыл глаза, стараясь справиться с внезапно нахлынувшим приступом тоски. Черная, тяжелая, холодная, она сдавила грудь, заледенила сердце. Если изобретения Леонардо лежат в бездействии триста лет, то сколько же придется ждать ракетам его отца? Сто лет? Триста? Тысячу? Ведь о ракетах даже такой титан, как Леонардо, не упомянул ни разу!

На мгновение Засядько ощутил страх. А может, Леонардо не считал ракеты перспективным делом? Может, только потому и не брался за них? Не-е-ет... Не может такого быть. Видимо, ракеты опередили время еще на большее количество лет. Сначала войдут в жизнь такие изобретения Леонардо, как металлургические печи, подводные лодки, прокатные станы, землеройные и прочие хитроумные машины, и лишь потом наступит эпоха ракет...

Он вернул книги библиотекарю и пошел к выходу, стараясь ступать твердо. В глазах потемнело от горя. Значит, он никогда не увидит свою мечту осуществленной? Никогда не увидит, как огромные ракеты взмывают в небо и берут курс на Луну и другие планеты?

Он постоял на ступеньках, чтобы немного успокоиться. Вспомнилась притча о старике, который сажал яблоньку. Да, скорее всего, он так и не увидит плодов своего труда. Но что делать? Оставить мечту? Тогда ракетным делом могут не заинтересоваться еще столетия. А так, может быть, его работы и заронят новые мысли в чьи-нибудь светлые головы...

Засядько вздохнул, сбежал вниз по ступенькам. Лошадь встретила его призывным ржанием. Александр отвязал ее, вскочил в седло и вихрем помчался посреди центральной улицы.

ГЛАВА 10

На помощь потерпевшей поражение армии Моро из Центральной Италии спешил генерал Макдональд. С ним было тридцать шесть тысяч закаленных солдат. В первом же бою Макдональд наголову разбил восьмидесятишеститысячное австрийское войско и погнал к Адде. Там уже стоял оправившийся корпус генерала Моро.

Суворов по тревоге поднял войска и, оставив у Александрии заслон против Моро, бросился навстречу Макдональду. Он понимал, что если обе французские армии соединятся, то сражаться с ними будет очень трудно. Хотя численность французских войск значительно уступала союзным под его командованием, однако во главе французских армий стояли талантливые генералы, выдвинутые на командные посты революцией. В самой французской армии были приняты новые порядки, проведена коренная реорганизация, благодаря которой она была отборные австрийские и прусские войска.

Засядько вел свою роту на предельной скорости. Солдаты изнемогали от жары и с завистью поглядывали на казаков: их крепкие кони не знали усталости.

– Держитесь, ребята, – подбадривал Засядько солдат, из которых почти половина была вдвое старше его. – Впереди – Требия! Там искупаемся, отдохнем и будем ждать французов.

Один из солдат обернулся. Из-под чужеземной треуголки и напудренных буклей на Александра глянуло открытое русское лицо, и ему вдруг стало неловко, словно предложил сделать что-то нехорошее.

—Тут и реки не такие, – сказал солдат тихо, – и земля не такая... А у нас сейчас весна...

– Ваше благородие, – обратился второй солдат, постарше, – вот мы воюем с французами, но не на нашей земле, на ихней... Они напали на нас аль как?

– Здесь была великая Римская империя, – ответил Засядько, радуясь возможности отвлечь солдат от мыслей об изматывающем переходе. – Некогда она правила миром. Теперь ее нет, а на земле, которую она занимала, другая страна – Италия...

– Италия? – удивился солдат. – Разве не французы тут живут?

Засядько, как мог, объяснил ситуацию. Умолчал лишь о том, за что сражаются здесь русские, украинские, белорусские крестьяне, волею императора Павла превращенные в солдат. Во вновь отвоеванных районах восстанавливались монархические порядки, республика и конституция отменялись, бразды правления захватывали австрийские чиновники. И грабили, грабили, грабили... Потому что страна чужая, потому что когда-то придется уйти, а до этого времени нужно вывезти отсюда как можно больше.

На дальних подступах к Требии слышали гром пушечной канонады. Навстречу стали попадаться отступающие, а затем и бегущие сломя голову разрозненные отряды австрийской армии.

– Не придется искупаться, – усмехнулся невесело один из гренадеров. – Ох не придется!

На его потном, покрытом разводами грязи и сожженным итальянским солнцем лице ярко выделялись измученные голубые, как васильки, глаза. Товарищи его молчали, мрачно глядя перед собой.

Вскоре они увидели, как по пятам за остатками австрийских частей двигается французская армия. Впереди рассыпным строем шли стрелки, за ними с музыкой и барабанным боем маршировали ударные колонны войск. Они были готовы к новой атаке! Несмотря на кровопролитный бой, несмотря на адскую жару, вид у французской армии был свежий.

Они двигались в бой с песней. Александр вздрогнул, прислушался. Песня была знакомой. «Еще Польша не сгинела...» Это были не французы, а польский легион Домбровского. Про них рассказывали, что после захвата Польши русскими войсками и раздела ее между сосед-

ними государствами часть польской армии, не желая покориться захватчикам, ушла в революционную Францию. Там они воевали с лозунгом: «За вашу и нашу свободу!»

На взмыленном коне промчался курьер. Тотчас же русские полки стали выстраиваться в развернутую линию. Батальоны замерли в трехшеренговом строю с полковыми орудиями против интервалов между батальонами.

Эти орудия, как отметил Засядько, успели дать лишь один залп. Две армии сошлись в штыковом бою. Засядько врубился в ряды противника, затем оглянулся на своих солдат. Натиск польских легионеров был страшен. Первая линия русских была уничтожена полностью, вторая и третья – смяты и отброшены. Массированный удар основной колонны пришелся по двум мушкетерским ротам. Там выдержали только стоявшие на флангах гренадерские роты. На помощь был брошен 2-й особый гренадерский полк, и сражение продолжалось с неослабевающим упорством.

Отражая удары, Засядько начал осторожно пятиться к своим. Мелькнула мысль, что не многие из его солдат уцелеют. О себе как-то не думалось, в сознании прочно засела уверенность в неуязвимости. Правда, эта неуязвимость зависела от его ловкости и умения. Стоило чуть сплосховать...

К вечеру он вывел остатки роты на отдых. Ее место занял гренадерский батальон, который к утру потерял больше половины состава.

Жестокий, кровопролитный бой длился сутки, потом еще и еще одни. Маленькая речка Требия покраснела от потоков крови. К концу третьего дня натиск польского легиона Домбровского стал особенно сильным. Дрались они яростно, для них было делом чести нанести поражение русским войскам. Тем более Суворову, который одержал ряд блистательных побед над поляками в недавней русско-польской войне. Наконец и эти русские части дрогнули и начали отступать. Поляки усилили нажим, и вскоре отступление русской армии превратилось в беспорядочное бегство.

Засядько как раз выводил из-под удара эскадрона кирасир немногих уцелевших солдат своей переукомплектованной роты. Увидев бегущих, он, не раздумывая, повернул роту и поспешил на помощь.

Однако его опередили. Откуда-то на взмыленной казачьей лошадке появился Суворов. Солдаты приободрились. Оценив одним взглядом обстановку, Суворов, по-видимому, принял решение и пристроился во главе бегущих.

До Александра донесся его старческий тенорок:

– Заманивай их, заманивай!

«Вот оно что, – подумал Засядько с невольным восхищением. – Молодец старик... Но удастся ли?..» На всякий случай велел своим солдатам приготовиться к залпу, поняв, что позорное бегство Суворов пытается превратить в тактический маневр, который вот-вот завершится контратакой. Лица бегущих солдат светлели, паническое бегство уже не казалось бегством. Постепенно солдаты перестраивались, выравнивали линию.

Вдруг Суворов осадил коня:

– Стой! Теперь на врага!

Гренадеры повернулись, французов встретило грозное каре. Наступающие разбились о него, как морская волна о гранитный утес. Завязалась схватка, бой пошел на равных, и Засядько закричал своим:

– Огонь! И – в штыки!

Последовал залп. Он был произведен почти в упор. Солдаты ринулись с холма для штыкового удара. Польские легионеры дрогнули и отступили, унося раненых. Пехотное каре, наспех созданное Суворовым, решительно двинулось вслед.

Фельдмаршал благодарно кивнул поручику и крикнул:

– Браво, батенька! Преследуйте, не давайте опомниться. Пусть думают, что это свежие части!

«Какое там, – подумал Засядько, – ноги как чугунные тумбы, а сабля выщербилась подобно серпу...»

Однако преследовать противника легче, чем отступать. Позабыв об усталости, он со своими солдатами гнался за неприятелем, пока не оттеснил за реку. И лишь тогда почувствовал, что больше не в состоянии пошевелить и пальцем.

Он так и заснул прямо у воды, не выпуская из рук окровавленную и выщербленную саблю.

3 августа русские войска подошли к Мантуе. Засядько с волнением смотрел на старинный город. Это родина Вергилия, здесь же в XV—XVI веках возникло итальянское Возрождение, здесь велась в 1628—1631 годах знаменитая война за мантуанское наследство между Габсбургами – испанскими и австрийскими – и Францией... Здесь всего год назад Бонапарт в сражениях при Кастильоне, Роверето, Басано, Арколе и Риволи наголову разгромил превосходящие силы австрийцев и захватил этот прекрасный город-крепость...

Засядько полдня потратил на оборудование батареи, затем взял двух казаков и поехал в разведку. Собственно, батареей почти не приходилось заниматься. Суворов следовал своему изречению «Пуля – дура, штык – молодец» и мало уделял внимания артиллерии. В поход он взял столько орудий, сколько ему было велено взять, однако что это были за чудовища! Всего несколько единорогов и «секретных» гаубиц системы Шувалова, а остальное смело можно помещать в кунсткамеру. Здесь были кулеврины, серпантины и даже гафуницы. Обслуживали их люди, которые предпочитали в сражения не ввязываться. Впрочем, так часто и случалось. Престарелый фельдмаршал всем инженерным ухищрениям предпочитал рукопашную. Более того, в своих приказах и памятках солдатам он расхваливал штыковой бой как нечто исконно русское, свойственное именно солдатам русской армии. А войска, вооруженные отменным стрелковым оружием, снабженные дальнбойной и маневренной артиллерией, считал едва ли не трусами.

Засядько сердито прищипоривал коня. Его раздражало, что фельдмаршал не понимает растущей роли огнестрельного оружия. Что можно сделать штыком? Все приемы уже отретепированы до совершенства. После того как Александр Великий придумал строй македонской фаланги, почти ничего нового не создано. Ну, разве что появились римские легионы. А сила огнестрельного оружия постоянно растет, и молодой император Франции, выпускник артиллерийского училища, прекрасно это понимает и с блеском использует орудия в каждом сражении.

– Ваше благородие, – обратился к нему один из казаков, – с северной стороны ворота открыты!

В крепости уже знали о приближении русских войск. Видно было, как на стенах устанавливали пушки, котлы, складывали горками камни, ядра, багры, чтобы отталкивать штурмовые лестницы. Мелькали солдатские мундиры, французы спешно готовились к обороне. Однако, как Засядько и предполагал, в ворота с северной стороны еще тянулись последние телеги. С этой стороны никто не ждал нападения, ибо колонны русских войск только-только показались с южной стороны.

– Вперед! – приказал Засядько.

– Ваше благородие! Нас же как зайцев...

– Не отставайте!

Он прищипорил коня. Все решали секунды. Возле ворот поздно заметили появление офицера в русской форме. Засядько выстрелил в лицо гренадеру, направившему на него ружье. Молоденький и тоненький, как кузнечик, офицер схватился за шпагу, но Засядько на полном

скаку подхватил его с земли, ударил по голове и круто повернул лошадь. Еще одного солдата смял конем, сзади вовремя загрохотали копыта лошадей его казаков.

Засядько пустил коня во весь опор от крепости. Пленный неподвижно лежал поперек его лошади, не делая попыток к освобождению. Кивер слетел от удара, теперь ветер растрепывал длинные темные волосы, хорошо ухоженные, завитые по последней моде.

Сзади загремели выстрелы. Засядько тревожно оглянулся. Из ворот крепости выскочили три всадника, за ними еще два, а затем вылетел целый отряд. Казаки, рубившиеся с обозниками, повернули коней и бросились наутек.

«Плохо дело, – подумал Засядько, – не успеваю».

Он прижался к шее коня:

– Вывози, родной! Не дай на чужой земле погибнуть!

Скакун словно понял. Дорога еще быстрее помчалась под ноги, ветер яростно бил в лицо. Засядько оглянулся на скаку, сжал зубы. Расстояние между ними и погоней медленно, но все же сокращается. Слишком уж тяжела ноша у коня.

Сзади грянуло два выстрела. Поминутно оглядываясь, Засядько видел, что оба казака умело орудут саблями, задерживая погоню. Раненый француз со знаками различия майора сполз по шее горячего арабского скакуна на землю, рядом вылетел из седла здоровенный кирасир. Однако расстояние сократилось еще больше...

Казак крикнул:

– Ваше благородие, берите левее!

– А что там?

– Там хлопцы нашего отряда!

Оба казака повернули лошадей и самоотверженно перегородили дорогу. Похоже, решили принять бой с целым отрядом. Они знали его репутацию и не желали уступать в отваге.

Засядько стиснул зубы и пришпорил коня. Однако топот сзади утих лишь на мгновение. Несколько кирасиров не стали ввязываться в схватку с казаками и ринулись за русским офицером.

Засядько едва успел выхватить саблю. В это время пленник очнулся и стал отчаянно отбиваться. Засядько сбросил его вниз головой на каменную дорогу и отразил первый сабельный удар. Один из кирасиров прицелился в него из пистолета. Засядько молниеносно выхватил свой и всадил пулю прямо в переносицу медлительному стрелку.

Кто-то выстрелил сзади, пуля царапнула висок. Александр рубился во все стороны, вертась на коне как бес. Но нападающих было слишком много, положение становилось отчаянным.

И вдруг в самый критический момент среди французов наступило замешательство. Засядько всадил шпоры коню в бока и вырвался из кольца. Но никто не бросился за русским офицером, кирасиры поворачивали лошадей и гнали их в сторону крепости.

И лишь тогда Засядько услышал резкое казачье гиканье. Через мгновение из-за поворота дороги выскочил целый отряд. Они неслись во весь опор, потрясая саблями, выставив пики. На шапках трепетали под ветром красные околыши.

К Александру подъехали оба его казака, запыхавшиеся, у одного была кровь на рукаве.

– Целы, ваше благородие? – спросил заботливо раненый. – Ну и сеча была! Из такой живым можно выйти только раз в жизни.

Засядько молча слез с коня. Ему такое уже говорили. «Раз в жизни». Потом еще раз. А потом и счет потерял.

Он подошел к офицеру, которого увез от стен крепости. Тот пошевелился, на волосах была алая кровь, открыл глаза.

– Где я?

– Не волнуйтесь, все в порядке, – ответил Засядько по-французски.

– Слава Деве Марии, а я уже думал, что эти ужасные русские...

Он умолк, глядя на форму Александра. Потом охнул и закрыл лицо руками. Казаки довольно хохотали:

– Знатная добыча! Интендант небось. А они все знают, что и как в крепости делается.

– Взять и доставить в часть, – распорядился Засядько.

Молоденький прапорщик, что влюбленно ходил за ним хвостиком, с сочувствием посмотрел на окровавленную голову француза:

– Здорово вы его... Но воинский закон запрещает обижать пленных!

Засядько хмуро посмотрел на плененного француза:

– Единственная обида, которую я могу ему причинить, это посадить на тот же рацион, что едят мои солдаты.

ГЛАВА 11

Штурм Мантуи был назначен на пять часов утра. Засядько ночью не спал, занимался подготовкой роты. Указал младшим командирам место сосредоточения и направление их штурмового удара, пересчитал лестницы и лопаты, затребовал вдвое больше, чем отпустили запасливые интенданты.

Солдаты тоже не спали. Все понимали, что для многих этот бой будет последним. Горели костры. Старые солдаты делились воспоминаниями с молодыми. Засядько переходил от костра к костру, считая своим долгом подбодрить, настроить воинов на тяжелый бой у крепостной стены.

В три часа ночи войска заняли исходные позиции. В пять взлетела петровская ракета.

– Вперед!

Засядько выхватил саблю и ринулся к крепости. Широкий ров с водой ему удалось перепрыгнуть, не замочив ноги. Пока солдаты барахтались внизу, он вскарабкался на вал. Земля осыпалась под ногами. Над головой словно бы раскололось небо: из крепости грянули сотни орудий. Он невольно пригнул голову.

Из рва выкарабкивались солдаты с длинными лестницами.

– Быстрее! – торопил Засядько.

Прислонил лестницу к стене и полез вверх. Направление главного удара было намного левее, но Засядько не позволял себе воевать вполсилы.

Наверху спохватились, протянули руки и особые рогатины, чтобы оттолкнуть лестницу. Александра спасла скорость. Как белка, он мигом преодолел последние метры и успел ударить саблём по рукам. За крепостной стеной раздался яростный крик.

Мгновение – и Засядько вскочил на стену. На него бросился огромный широкоплечий кирасир с бычьей шеей, стремясь свалить его вниз. Засядько применил боевой прием, и на стене стало пусто, лишь прозвенел стремительно удаляющийся крик.

Из укрытия высыпала целая группа солдат. Со штыками наперевес они налетели на русского офицера и отхлынули, оставив троих распростертыми на каменных плитах. В это время подоспели русские солдаты. Засядько велел расширить плацдарм, чтобы штурмующие могли приставить еще несколько лестниц.

Французы открыли истребительный ружейный огонь. Укрыться было негде, солдаты падали один за другим. Засядько с болью и яростью оглядывался по сторонам. Русские орудия гремели с противоположного конца. Основной удар фельдмаршал замыслил нанести там. Но не лучше ли было бы теперь развивать успех атаки здесь?

– Перебьют, как зайцев, – хладнокровно сказал один из старых гренадеров, которого молодежь звала просто Савельичем. Он выжидающе смотрел на Засядько. – Что будем делать? Мы вроде мишени, ваше благородие.

– Они целятся из той вон башенки... Нужно бы выбить...

– Осилит ли? – засомневался Савельич.

– А что нам остается делать? – ответил зло Засядько. – Впе-е-ред!!!

Он ринулся через площадь. Несколько пуль ударили по каменным плитам, просвистели в воздухе, одна попала рикошетом в ножны. Александр, не останавливаясь, сбил с ног французского солдата у входа в башню и ворвался в коридор. Несколько гренадеров стояли у бойниц и палили по горстке русских, бегущих через площадь.

Засядько выстрелил из пистолета и, как бешеный бык, понесся по коридору. Кого не успевал сразить саблей, таранил корпусом, сбивая с ног. Когда был уже на середине коридора, увидел, что французы, опомнившись, сбились в плотную кучу, выставив вперед щетину шты-

ков. В этот момент сзади прогремело оглушительное «ура». Это в коридор ворвались русские солдаты.

Когда неравная схватка кончилась, Савельич сказал обеспокоенно:

– А ведь атаку наших отбили!

Он тяжело отдувался, лицо его было красным и распаренным, несмотря на утреннюю прохладу. Немецкий мундир был изорван, напудренная косичка стала серой от пыли, белые гетры покрылись черными пороховыми пятнами, среди которых были и красные пятна от крови. Засядько в который раз, даже в столь неподходящее время, подумал, как нелепо выглядит прусская форма на русском мужике.

– Мы выполняли отвлекающий маневр, – объяснил он солдату. – Главный удар наносят севернее.

– Ту атаку тоже отбили, – как будто равнодушно заметил Савельич. – Еще раньше, чем мы взяли эту башенку.

Засядько прислушался. Орудия продолжали греметь с обеих сторон, но беспорядочная торопливая пальба превратилась в организованную. Так стреляют, когда цели можно выбирать без особой спешки.

– Атаки наших будут идти одна за другой, – сказал Засядько, успокаивая солдат. Сам же с тревогой думал о том, что в интервалах между атаками ничто не помешает французам выбить их из башенки в два счета. Солдаты это тоже понимают.

– Вот откуда придется идти к солдатскому богу, – сказал Савельич неторопливо. – Что ж, служил честно и жил честно. И все здесь могут выложить свои души без страха...

Засядько лихорадочно раздумывал. Держать осаду здесь? И четверти часа не продержаться. Сделать вылазку? Но куда?

– Савельич! – окликнул он старого гренадера. – Не помнишь, ворота крепости где-то под нами?

– Вроде бы... – ответил ветеран, с досадой потеряв косичку. – Надо лишь спуститься по этим чертовым ступенькам...

– Вот-вот, – подхватил Засядько. – Другого пути у нас нет. Ты останешься здесь. Бери половину молодцов по своему выбору, будешь поддерживать огнем.

– А вы, ваше благородие?

– А я с остальными попытаюсь прорваться к воротам. Изнутри! Если сверху ударят нам в спину – задержи.

Он оглядел свою группу. Двадцать два человека... Савельич уже расставил людей у бойниц, солдаты открыли заградительный огонь. «Вот и не говори о преимуществе стрельбы, – подумал Засядько. Он видел, как падают французские кирасиры, что пытались перебежать площадку. – А в штыковом бою мы полегли бы сразу...»

– Пора!

Они выскочили из башенки, пересекли площадку и побежали не вдоль стены, как ожидали от них, а вниз по широким каменным ступенькам. По дороге сшибли оторопевшего от неожиданности француза с зарядным ящиком на плече и, будто лавина, понеслись дальше.

Засядько гигантскими прыжками мчался впереди. Каменная лестница, лепившаяся к крепостной стене, и в самом деле вела к воротам, но... там оказался целый отряд кирасир!

Остановиться было уже невозможно. Засядько прыгнул прямо на головы защитникам, следом с громовым «ура» ринулись его солдаты. Он сразу же бросился сбивать с ворот громадные запоры. Ему торопливо помогали два здоровенных молодых парня, уроженцы Белой Руси. Сзади за спиной кипела жестокая схватка. Русские дрались отчаянно, однако французов было несколько раз больше. Солдаты падали на каменные плиты, чтобы уже никогда не подняться...

Засядько яростно сбивал запоры. Помогавший ему солдат охнул и сполз на землю, цепляясь ногтями за металлическую обшивку ворот. Второй шагнул в сторону и тоже упал. На спине у него расплылось кровавое пятно.

– Убрать стрелков! – крикнул Засядько не оборачиваясь.

Еще две пули прожужжали возле его головы. Крики и лязганье сабель приблизились вплотную. Значит, гибли последние из его солдат...

Отчаянным усилием он сбил последний засов и навалился на ворота. Тяжелые створки медленно, словно нехотя, распахнулись. В воротах завязался последний кровавый бой. Французы старались выбить русских за ворота и закрыть створки, а русские отчаянно цеплялись за каждую пядь земли. Все знали, что, если отступят, – все жертвы будут напрасными.

Внезапно сверху раздался торжествующий крик. Засядько увидел бегущих по лестнице французов. «Савельича, значит, уже нет...» – подумал с горечью.

К воротам со всех сторон сбегались французские солдаты. Засядько оказался в толпе неприятеля. Он с трудом отражал удары, рядом уже не осталось ни одного русского. Его медленно оттесняли за ворота. Несколько французов ухватились за створки, пытаясь свести их и снова запереть ворота крепости. «Я сделал все, что в человеческих силах», – успел подумать Засядько.

Вдруг его буквально оглушило неистовое гиканье, что-то потное и тяжелое отбросило в сторону. В крепость ворвалась казачья конница! Плотной лавиной казачий полк вливался в распахнутые настежь ворота, растекался по улочкам.

Засядько в изнеможении опустился на землю. Сабля выскользнула из ослабевших пальцев и вонзилась в почерневшую от пороховой копоти землю.

Вслед за казаками промаршировали солдаты с ружьями наперевес и офицерами во главе. Вроде бы даже под музыку. И откуда только взялся оркестр в этом аду?

Мантуя пала.

Было захвачено 260 орудий, 400 пудов пороха, 30 тысяч пушечных ядер и много продовольственных складов, однако уже опустошенных местными жителями. Трофеи были велики, но Суворов предпочел бы вместо них еще пару складов с продовольствием. В соответствии со своим планом он собирался пройти к морскому побережью, а оттуда ударить всеми силами по столице революционной Франции. Оружия хватало, но с продовольствием было неважно. Австрийский военный совет не позаботился о своевременном снабжении союзных войск.

В расположении русских войск было тихо. Солдаты чистили обмундирование, драили кивера, вспоминали недавнее сражение. Горячо и с восхищением говорили о том, как фельдмаршал Суворов прямо на развалинах крепости срывал с Засядько знаки различия поручика, чтобы тут же произвести его в капитаны. Все понимали, что геройским подвигом молодой офицер облегчил взятие неприступной крепости и тем самым сохранил жизнь очень многим.

На другой день после падения крепости прогремели боевые трубы.

Тревога!

Солдаты вскакивали, торопливо строились в каре. Издали было видно, как от штаб-квартиры фельдмаршала во все стороны на лошадях помчались адъютанты.

Засядько неспешно обходил своих людей. Он догадывался о причине: французская армия перешла в наступление. Командовал ею молодой генерал Жувер. Вообще, как заметил Засядько, у французов большинство командиров были молодыми и талантливыми полководцами. Они успешно били пруссаков и австрийцев, опираясь на революционный энтузиазм и коренную реорганизацию армии. Новые порядки позволили занимать командные посты действительно одаренным людям. Титулованные ничтожества не имели перед выходцами из народа никаких преимуществ. К тому же аристократы и без того почти все были уничтожены

штормом революции или спаслись бегством в Англию, Россию и другие страны с монархическими режимами.

Утром Засядько со своим батальоном выступил в поход. Шли на фланге 6-го гренадерского полка. По всей видимости, им предстояло выполнить важную задачу: Засядько несколько раз видел Суворова, гарцевавшего на своей любимой казачьей лошади вдоль сдвоенной колонны. Узнав Александра, фельдмаршал крикнул:

– Что нос повесил, капитан? Посмотри, какие у тебя чудо-богатыри!

Засядько козырнул, вспомнил Савельича и других, первыми взобравшихся на стену Мантуи, и ответил тихо:

– Мои чудо-богатыри остались в крепости. Одни на площади, другие у ворот. Надо бы наградить их. Посмертно...

– Напишите реляцию, – велел Суворов сухо. Он стегнул коня и поскакал дальше.

В тот день составить реляцию не удалось. Через два часа под небольшим городишком Нови Суворов атаковал армию Жувера. Как Засядько и предполагал, его батальон вступил в бой в числе первых.

6-й гренадерский полк, построившись в линию развернутых батальонов, дал залп и пошел в штыковую атаку. Засядько подивился молодости и стойкости французских солдат. Сражались они неистово, так бьются, подумал Засядько, только за правое дело. Хотя вроде бы сражения идут на земле Италии с русскими войсками. Или они все знают, что несут свободу и более справедливые порядки? Закаленные суворовские солдаты, привыкшие к победам над войсками таких же королей и султанов, с молодой революционной армией дрались тяжело, несли тяжелые потери, каждую пядь итальянской земли поливали своей кровью.

Первая атака была отбита с большими потерями для русских войск. На левом фланге та же участь постигла австрийцев. Кое-где французы пытались перейти в контратаку, но были остановлены стрелками.

Вторую атаку французы отбили с еще большими потерями для русских и австрийских соединений. Засядько заметил внутри французских порядков перестроение и попридержал свой батальон. Как оказалось, не зря.

После третьей атаки, которую французы отбили с большим уроном для нападающих, кирасирский полк по указанию Жувера стремительно ударил во фланг 6-го гренадерского, стремясь с ходу смять батальон Засядько и выйти в тыл основных мушкетерских соединений.

Натиск был столь стремителен, что русские даже не успели выстрелить. Передние ряды французов неожиданно выросли перед ними и ударили в штыки. Как оказалось, штыковой бой был знаком и французам, и дрались они в рукопашной яростно и умело. Засядько поспешил в гущу схватки. Нужно было во что бы то ни стало задержать атакующую колонну, иначе исход всей битвы будет решен в пользу французских войск. Из его воинов ни один не дрогнул. Сражались остервенело, не выпуская оружия.

Жувер бросил в бой отряд конницы, чтобы она завершила начатое. В это же время Суворов перегруппировал отступающие части и сам повел их в последнюю отчаянную атаку.

Страшное и печальное зрелище предстало перед ним. Только что здесь стоял батальон молодого капитана Александра Засядько... А теперь поле усеяно павшими русскими и французскими воинами. Батальон пал смертью храбрых, но не отступил ни на пядь. Тем самым он дал возможность фельдмаршалу собрать разрозненные части для четвертой атаки.

И когда русские пошли в жестокий штыковой бой, один из сраженных зашевелился и тяжело поднялся, опираясь на залитую кровью саблю. Он был высок, широкоплеч и страшен в окровавленной одежде, с запекшейся кровью на бледном лице. Это был капитан истребленного гренадерского батальона Александр Засядько.

Бой решила четвертая атака и рейд русской конницы. Она появилась в тылу противника и вызвала там замешательство. Французские войска стали отступать.

Немного оправившись, Засядько принял участие в преследовании. Его внимание привлек один из французских кирасир, врубившийся в ряды русских солдат и пытающийся сдерживать натиск. Острая сабля сверкала как молния, не один из пехотинцев расстался с жизнью, пока Засядько подоспел к месту схватки.

– Эй, богатырь! – крикнул Засядько по-французски. – Хватит простых солдат рубить, померяйся силами с равным!

Он пришпорил коня. Кирасир злобно оскалился, вскинув огромный палаш. Удар был страшен. Засядько едва успел закрыться. Лезвие палаша скользнуло по его сабле и сорвало с плеча эполет.

– Теперь держись, – сказал Засядько мрачно.

Однако француз отразил атаку мастерски. Распалившись, Александр обрушил каскад ударов, но кирасир оказался бывалым воином, не ушел в глухую защиту и, отражая сабельные удары, все время выбирал позицию для ответной атаки.

Засядько ощутил смутную тревогу: впервые за всю войну попался противник, который разгадывал его боевые приемы. И он решился применить прием, которым пользовался лишь в самом крайнем случае. Это было из боевого наследия запорожцев. Когда-то отец показал ему составные части обманного движения и сокрушительного удара. Александр научился наносить его еще в то время, когда скакал верхом на прутике и сек крапиву деревянной саблей...

Он взметнул саблю. Р-р-раз! Поворот... Страшный удар!!!

Француз вдруг странно изогнулся, его палаш повернулся острием к русскому офицеру, и... сабля Александра почти над самой головой противника вырвалась из рук. Вырвалась с такой силой, что удержать ее не было никакой возможности...

И Засядько узнал этот прием. Но его применяли только люди, обученные на Хортице...

Прежде чем француз занес свой палаш над обезоруженным противником, Александр с яростным воплем, от которого в страхе дернулся конь француза, прыгнул навстречу. Сцепившись, они свалились с лошадей. Засядько обеими руками схватил палаш и вырвал его из рук француза. Тот не сопротивлялся, настолько сильно ударился при падении.

– Отвечай! – потребовал Александр. – Кто научил тебя так драться?

Француз злобно плюнул ему под ноги и вдруг ответил на чистейшем украинском языке:

– Были люди, научили!

Засядько опешил.

– Ты... ты знаешь украинский язык?

– Знаю, – ответил француз зло.

Он попытался подняться, но болезненно сморщился, стиснул зубы, стараясь унять стон. Повсюду мелькали мундиры русских солдат, бежавших вперед, гремело «ура». По их красным, распаренным лицам струился пот, сапоги глухо стучали по накаленной почве.

– Я сам украинец, – сказал Засядько, желая вызвать француза на откровенность. – И меня удивили твои фехтовальные приемы...

– Меня тоже удивило твое искусство, – ответил француз.

– Будем считать, что мы обменялись комплиментами. А теперь скажи: где ты научился так драться?

Кирасир с трудом поднялся и сел. Кисть правой руки кровоточила от удара о камень.

– На Сечи, – буркнул он.

– Я так и думал, – кивнул Засядько. – Первые уроки я тоже получил там. На саблях.

– Это заметно, – проворчал француз.

Он поднялся, пошатнулся, зло осмотрелся по сторонам. С русской стороны уже спешили санитары, показалась повозка для раненых.

– А как ты попал на Сечь? – полюбопытствовал Засядько.

– Отряды запорожцев сражались повсюду в Европе, – ответил кирасир неохотно. – Познакомиться и подружиться с украинскими рыцарями было нетрудно. Я был сорвиголовой, искателем приключений... Попросился к ним в отряд, прожил на Сечи три года. Может, и остался бы там навсегда – ваши девушки не уступают парижанкам, – но императрица ввела войска в Сечь... Казаки дрались отчаянно, я там был ранен. С тех пор прошло двадцать лет, даже больше, но я не забыл ни одного приема, которыми овладел там.

Подъехал капитан Васильев с двумя драгунами. Он повсюду появлялся не иначе как в сопровождении двух-трех солдат и чаще всего после сражений, когда переставали греметь пушки и затихали крики. Зато, когда войска возвращались с поля боя, он всегда ухитрялся оказаться во главе колонны, размахивал кивером и раскланивался во все стороны.

– О! – воскликнул он. – Засядько снова отличился. Поздравляю вас, капитан! Вы хорошо потрудились во славу российского оружия.

Один из драгун по его знаку спрыгнул с лошади, помог взобраться на нее пленному офицеру, а сам остался пешим.

Засядько, не отвечая, вскочил на своего коня. В отдалении гремели орудия. По разбитой дороге, огибая опрокинутые повозки, нескончаемым потоком двигался обоз русской армии. Засядько уже отъехал добрую сотню саженей, как вдруг услышал истошный крик:

– Стой! Стой, сволочь!

Александр оглянулся. Пленный француз повернул лошадь и скакал к нему. Он был невооружен и, очевидно, хотел что-то сказать или о чем-то попросить русского офицера, захватившего его в плен.

– Стой, сволочь! – услышал Засядько еще раз вопль Васильева. – Стреляйте!

И вслед за этим прогремел выстрел. Стрелял спешившийся драгун. Александр увидел, как француз дернулся и поник, обхватив руками шею лошади.

Скакун добежал до Засядько и остановился. Француз медленно сползал на землю. Александр спрыгнул, ошеломленный таким нелепым развитием событий, едва успел подхватить раненого. По пальцам его руки, которой он поддерживал француз за спину, стекала теплая кровь.

Пленный офицер еще пытался улыбнуться ему, словно извиняясь за неприятность, но смертельная бледность уже покрыла его лицо. Губы что-то шептали.

– Что? – спросил Засядько. – Что? Не слышу!

Губы француз дрогнули, и он закрыл глаза. Послышался топот, на взмыленной лошади прискакал Васильев в сопровождении конного драгуна.

– Каков, а? – сказал он с истерическим смешком. Руки его дрожали, был он возбужден до крайности. – Хотел убежать! Вот сволочь, а? Хорошо, что я сразу разгадал его маневр и велел стрелять.

– Нелепость, – сказал медленно Засядько, чувствуя закипающий в душе гнев. – Нелепая ошибка! Он не собирался бежать. Да это было бы невозможно, всюду наши солдаты... Он скакал ко мне.

– Зачем? – спросил Васильев подозрительно. Не дождавшись ответа, сказал высокомерно: – В любом случае хорошо, что мой драгун не промахнулся.

Он повернул коня, махнул своим сопровождающим. Оба были уже на лошадях и послушно последовали за ним по направлению к штабу.

Засядько почувствовал, как неудержимая ярость ударила ему в голову. Такое с ним было впервые. Рука мгновенно оказалась на сабле, пальцы стиснули эфес.

«Придерусь к этой сволочи за что-нибудь, – пронеслась мысль, – и вызову на дуэль. Убью как собаку».

На следующий день он разыграл сцену ссоры с Васильевым. Поводом послужила карточная игра. Александр заявил, что только дуэль может дать ему удовлетворение. Присутствующим

щие офицеры видели, как смертельно побледнел Васильев. Все знали, что значит скрестить саблю с Засядько. А увернуться от дуэли – покрыть себя позором в офицерском обществе. Здесь не поможет и покровительство всеильного фельдмаршала, которому доводился каким-то родственником по материнской линии.

Однако дуэль не состоялась. За два часа до намеченного времени Васильев спешно покинул полк. Как оказалось впоследствии, он вернулся в Россию и с помощью влиятельных родственников устроился при Генеральном штабе...

ГЛАВА 12

Этой битвой и завершился Итальянский поход. Французы полностью ушли из Северной Италии, на которую теперь распространилась власть Австрии.

За воинский подвиг Засядько был представлен к высшей офицерской награде: ордену Святого Георгия IV степени. Однако обозленный Суворов вычеркнул его из реляции, фельд-маршалу стоило немалых усилий спешно найти повод и отправить Васильева в Россию. Не то чтобы он любил этого самоуверенного льстивого дурака, которого видел насквозь, просто не мог позволить, чтобы русские офицеры проливали свою кровь в бессмысленных ссорах, а не на службе его императорскому величеству. Ну и конечно же, это уже не вслух, чтобы избежать воплей многочисленной родни, что не уберег, не охранил, не защитил. И так защищает его больше, чем собственного сына!

Суворов намеревался после короткого отдыха двинуть русские войска во Францию, пройти ее с боями и захватить революционный Париж, чтобы гидру свободомыслия раздавить если не в зародыше, то прямо в гнезде. Отчаянно возражали австрийцы, они панически боялись присутствия русских войск. Где русские войска появлялись, там они и оставались, а земли вскоре вливались в состав Великой Российской империи. Пока русские войска крушили Казанское царство или якутских царей и захватывали их земли, это не очень тревожило Европу, хотя стремительное усиление России все же нарушало хрупкое равновесие сил. Но когда Петр сокрушил Швецию и захватил побережье северных морей, а свое царство объявил империей, Европа начала беспокоиться. Когда же Екатерина в ряде турецких войн отхватила огромные территории, обеспечила выход и к южным морям, где спешно начали строиться верфи для военных кораблей, то в европейских дворах пошли разговоры о том, что как-то надо остановить стремительный рост евроазиатской державы.

Узнали и о том, что вынашиваются планы по захвату всего Кавказа с его бесчисленными народами, царствами и княжествами, завоеванию Бессарабии, выходу к Дарданеллам и отвоеванию у турок Константинополя, который те кошунственно переименовали в Стамбул... Еще киевские князья намеревались захватить Константинополь для себя, ввести его в состав Руси, великому князю Владимиру осталось лишь протянуть руку, но он удовольствовался званием базилевса-императора и сестрой императоров Анной, которую ему отдали под угрозой захвата и разрушения Константинополя. А тут еще блистательные войска Суворова, которым противопоставить нечего, в самом сердце Европы – в Италии! Если захотят остаться, кто их остановит, если они уже разбили лучшую в мире армию французов? Только не австрийцы, которых любой петух бьет.

План будущего похода принадлежал Австрии. Австрийскому императору с помощью европейских королевских дворов удалось настоять перед русским императором Павлом на своем варианте войны с революционной Францией. Не на просторы Франции и в блистательный Париж идти русской армии, а в горные теснины Альп, где голые скалы и бездонные пропасти, обледенелые тропки, где не всякий горный козел проберется!

Засядько старательно изучал маршрут. Нужно идти в Швейцарию на помощь русскому корпусу Римского-Корсакова, который вместе с армией австрийского наследника престола стоял в Муттенской долине.

Швейцарский поход начался в сентябре. Засядько вел свой батальон по узенькой тропинке, вившейся по обледенелым склонам скал. Часто приходилось карабкаться по такой крутизне, что даже самые бывалые солдаты закрывали глаза и шептали побелевшими губами молитвы Пречистой Деве Марии.

– Простая оплошность или предательство? – взволнованно спросил у Засядько подошедший поручик Лякумович. – Нигде нет ни продовольствия, ни лошадей! А ведь австрийцы обещали. Фельдмаршал велел остановиться, искать еду в окрестных селах.

– И грузить на казачьих лошадей?

– Вот именно! Выходит, что мы с самого начала лишились конницы.

Засядько хлопнул его по плечу, сказал успокаивающе:

– А что может сделать конница в горной войне?

– Все-таки лошади... – ответил Лякумович неуверенно. – В походе пригодились бы. Ведь беспримерный рейд! Провести такую армию через Альпы! Подобного еще не было в истории.

Засядько расхохотался:

– Плохо вы знаете историю, юноша! Здесь не только лошади, но и слоны проходили. Я имею в виду боевых слонов в армии Ганнибала. Он тоже перешел Альпы в этом районе. А Карл Восьмой?

– Что Карл Восьмой? – спросил Лякумович пристыженно.

– Осенью 1494 года, – ответил Засядько, – французский король Карл Восьмой с большой армией перешел Альпы и двинулся на Италию. Захватил Рим, Неаполь... А Франсиск Первый? Не слышал о таком? Тот пересек Альпы со своей армией в 1515 году. В аббатстве Сен-Дени близ Парижа находится его гробница, на ее барельефе изображен этот поход.

– Откуда ты все это знаешь?! – воскликнул пораженный поручик.

– По работам Пьера Бонтана. В библиотеке училища были альбомы с его рисунками. На одном из них изображена гробница, которую Бонтан украсил барельефами в 1555 году.

– Поразительно, – пробормотал поручик, – такая память...

– Моя память, возможно, была слабее твоей, – ответил Засядько, – но я ее постоянно упражняю, как и мускулы.

– Господи, да как ты живешь все время в такой узде?

Засядько улыбнулся:

– А мне нравится! Конечно, сначала сто потов сходит, зато результаты...

Впереди раздался отчаянный крик. Лякумович бросился вперед, но замер на полдороге. На их глазах с узкой тропинки сорвались два солдата и исчезли в глубокой пропасти.

Засядько поглубже надвинул капюшон. Из висящих прямо над головой туч посыпались тяжелые крупные капли, затем хлынул дождь, превратившийся в ливень. Солдатам пришлось совсем плохо. Они привыкли переносить тяготы походной жизни на равнинах, к горным же условиям никто не был готов. Засядько с болью и горечью отмечал, что люди скользят по обледенелым скалам, падают, срываются в пропасти.

Особенно трудно пришлось при переправе через стремительные горные реки. Вода несла громадные валуны, и люди исчезали под ними, не успев даже вскрикнуть. Пронизывающий горный ветер валил солдат с ног, многие не могли подняться. Путь армии был густо усеян трупами замерзших, а горы становились все выше...

Лякумович поскользнулся, удержался на ногах с великим трудом. Весь дрожа, смотрел с ужасом в бездонную пропасть, куда все еще катились камни.

– Повезло! – сказал он проводнику, что шел рядом с Засядько. – А если бы сломал ногу? Смогли бы меня стащить вниз к людям?

– Конечно, монсеньор! – ответил проводник невозмутимо. – В прошлом году я здесь подстрелил кабана. Еще толще! И ничего, спустил.

Он покосился на Засядько. Тот подмигнул, и проводник признался:

– Правда, в три приема.

Но самое страшное ждало впереди. На перевале засели французские авангардные отряды. Передовые русские части попали под смертельный огонь французов. Подступы к перевалу

обагрились кровью, склоны были густо усеяны трупами в русских мундирах. Суворов подозвал Багратиона. Тот, выслушав фельдмаршала, направился к Засядько:

– Берите своих людей, пойдем в обход.

– А здесь есть обход?

– Ищи. Нужно выбить французов с перевала, иначе здесь ляжет вся наша армия.

Засядько пошел поднимать солдат, а Багратион подозвал еще нескольких командиров батальона. Все сознавали, насколько трудная задача им предстоит. Солдаты молились, офицеры старались не показывать своего волнения.

Батальон Засядько сделал марш-бросок и оказался перед неприступными скалами. От земли прямо в синее небо поднималась совершенно отвесная каменная стена, на которой не было ни травинки, ни трещины, ни выступов...

К Засядько, рассматривавшему стену, подъехал Багратион. Его смуглое лицо побледнело.

– Александр Дмитриевич, – сказал он просительно, и это обращение здесь прозвучало настолько непривычно, что Засядько ощутил неловкость: властный и горячий Багратион никогда никого не просил. – Александр Дмитриевич, надо как-то взобраться. Иначе... Сами понимаете, мы все тут останемся. Что погибнем, ладно – мы к этому готовы с начала ратной службы, но какой позор падет на русскую армию! А ваш батальон наиболее подготовлен...

Засядько хотел было в сердцах ответить, что он не рысь, а казак, а те, как известно, призывали сражаться в чистом поле, и что по скалам привычнее лазать всяким там горцам, но, встретившись взглядом с Багратионом, смолчал. Какой из Багратиона горец, горы видит впервые в жизни.

Сбросив сапоги и обвязав вокруг пояса тонкий шнур, подошел к стене. Трещины и выступы все же нашлись, но совсем крохотные! Разве что ящерица могла бы удержаться на них. Александр остановился в раздумье. Багратион и солдаты выжидательно смотрели на него. Не желая показывать перед ними свою нерешительность, Засядько стал взбираться наверх. В нескольких саженьях от земли ноги соскользнули, и он повис, вцепившись пальцами рук за уступ. Снизу донесся вопль ужаса. Но он сумел подтянуться, нащупал ногой опору. В мертвой тишине Засядько продолжал лезть вверх. На большой высоте, откуда падение грозило неминуемой гибелью, он почувствовал, что дальше двигаться не может. Руки и ноги дрожали, соленый пот застилал глаза, сердце готово было выскочить из груди. Он прижался к скале и расслабил мышцы, чтобы немного отдохнуть. Сильный порыв ветра чуть не оторвал его от камня; еще один такой порыв – и он полетит в пропасть.

Засядько скосил глаза вниз. Крохотные, похожие на игрушечных, солдаты стелили на камни шинели на случай, если он сорвется. Александр горько усмехнулся: разве подушка спасет?

Передохнув в таком положении, он стал карабкаться дальше. Еще дважды ноги соскальзывали и он оказывался на краю гибели, но выработанная цепкость и жажда жизни все-таки вывели на вершину. Вконец обессиленный, он несколько минут отдыхал, затем подтянул наверх толстую веревку, которую Багратион привязал к шнуру. Намертво закрепив петлю вокруг огромного камня, подал знак подниматься. Солдаты крестились и обреченно подходили к каменной стене.

Багратион приказал оставшимся солдатам подобрать трупы товарищей, которые не смогли преодолеть преграду даже с помощью веревки, и вернулся к основным частям.

Не дожидаясь, пока поднимутся все, Засядько взял три роты и повел в тыл французам. Никто из засевших на перевале не ожидал появления русских с этой стороны. Произошла короткая схватка. Французы поспешно отступили к основным своим силам. Засядько поднял на вершине флаг, давая Суворову знак продолжать поход.

Но еще более грозное испытание ждало русские войска уже после того, как они перешли Сен-Готард и начали спускаться крутым оледеневшим склоном к ущелью реки Рейс. Дорога

шла берегом по краю глубокой пропасти, что приводило в отчаяние солдат, привыкших к равнинам России и Украины. В самом непроходимом месте, где река с трудом пробивалась сквозь сплошные отвесные скалы, французы устроили редут и прочно закрепились в нем. Это было в районе так называемого Чертова моста, который французы успели разрушить.

Батальон Засядько первым попал под обстрел. Пули щелкали по камням, разили солдат. Одна чиркнула по эфесу шпаги Засядько, который ехал впереди, но он даже не обратил внимания. Солдаты считали своего капитана заговоренным.

Промчался на коне Багратион. Засядько впервые видел генерала в таком возбуждении. Здесь нечего было и думать о рейде в тыл противника. Через реку можно перейти лишь по мосту, который не зря называли Чертовым. Висящий на огромной высоте, он был бы страшен новичкам и целехоньким...

Засядько оглянулся по сторонам, заметил стоявший неподалеку сарайчик. Почему не попробовать?

– К сараю! – скомандовал громко. – Разобрать по бревнышку, быстро! У кого уцелели шарфы – снять, пойдут вместо веревок.

Воспрянувшие духом солдаты бросились к сарайчику. Французы перенесли огонь на саперов. Засядько, сорвав с себя пояс, стал связывать доски. Кто-то принес найденную в сарае длинную веревку. Солдаты связывали жерди, которые нужно было перебросить через разрушенную часть моста.

Прискакал Багратион. Увидев, чем заняты солдаты, тоже снял свой пояс и бросил на землю. Пули свистели в воздухе, но князь, не обращая внимания, наблюдал за работой.

Отчаянная атака русских увенчалась успехом. Французы отступили с немалыми потерями. Засядько хотел было собрать свой батальон, но оказалось, что все его чудо-богатыри полегли в ущелье реки Рейс и на Чертовом мосту, однако спасли армию. Капитан вздохнул: в который раз приходится комплектовать батальон заново. Но горевать было некогда. Через восстановленный мост уже двигалась армия.

Затем последовали переходы через хребты Росшток и Паникс. Засядько было приказано покинуть авангардные части Багратиона и заняться артиллерией. Тем приходилось особенно трудно. Уже бросили по дороге почти половину пушек, но и оставшиеся солдаты вязли в снегу, падали под порывами ураганного ветра, гибли под обвалами и лавинами...

Внимание Александра привлек солдат огромного роста. Несмотря на мороз и лютый ветер, он обливался потом, волоча с двумя помощниками горную гаубицу. У солдата были нашивки капрала, но держался он с врожденной гордостью, осанка была явно не крестьянской.

Когда капрал на мгновение выпрямился, вытирая мокрый лоб, Засядько вздрогнул от неожиданности. Ему показалось, что это сам император Павел: настолько солдат был похож на царя. Он был такого же огромного роста, курнос, с пронзительно голубыми глазами и очень светлыми волосами.

– Взя-а-али! – закричал капрал зычно и первым ухватился за построшки. Гаубица поползла дальше.

Лякумович толкнул Александра:

– Узнал?

– Нет. Кто это?

– Константин, сын императора. Бравый воин, хоть и молодой. Пожелал служить простым солдатом. И как видишь, дослужился до капрала...

Лякумович, снисходительно проводив взглядом сына Павла I, любовно погладил свои знаки различия поручика.

– Ничего, – ответил Засядько неопределенно. – Бонапарт тоже был капралом. Ну и как он?

– Бонапарт?

– Нет, это чадо императора.

Лякумович оглянулся по сторонам, наклонился к товарищу и прошептал опасливо:

– Говорят, туп как пробка. Выше капрала не прыгнет. Ну, капитана. Однако парень честный и добросовестный. Никакими привилегиями не пожелал пользоваться, ест только из солдатского котла. Солдаты его любят и ждут не дождутся, когда он станет императором...

– Да-а, – протянул Засядько, – теперь Суворову наверняка вручат звание генералиссимуса.

– Почему?

– Генералиссимуса дают полководцам, командующим несколькими, чаще союзными, армиями, или тем, у кого в подчинении имеются принцы королевской крови... Суворов командует русской и австрийской армиями – раз, у него в подчинении сын императора – два!

Невероятных усилий стоило тащить лошадей с тюками, орудия и зарядные ящики. Плотные тучи, плывшие над скалами, пропитывали одежду сыростью, пронизывающий ветер покрывал шинели ледяной коркой. Свирепствовала вьюга. С гор срывались огромные камни и с грохотом катились вниз, захватывая с собой солдат. Многие замерзли на привалах, многие падали в пропасти.

И все время в пути губы Александра шевелились. Лякумович, который шел в нескольких шагах сзади, наконец собрался с силами и догнал Засядько. Поручика заинтересовала мысль: что мог шептать железный капитан во время этого адского похода? Молитву Пречистой Деве Марии? Или имя любимой девушки?

Засядько шагал широко, но не поспешно – экономил силы. Он напоминал скалу, о которую разбиваются океанские волны. Казалось, дорога сама стелется ему под ноги. Время от времени он оглядывался, покрикивал на отстающих и снова шел вперед, суровый и непоколебимый. А губы его опять шевельнулись.

– Александр! – окликнул Лякумович и не узнал собственного голоса: послышался какой-то мышиный писк. – Александр, что ты там шепчешь?

Засядько, не удивившись вопросу, молча протянул левую руку ладонью кверху. За широким обшлагом рукава прятался плотный листок бумаги. Лякумович присмотрелся, но ничего не мог сообразить. Там было несколько фраз, и все на незнакомом языке.

– Не понял, – признался Лякумович.

– Английский, – ответил Засядько коротко.

– Все равно не понял. Что ты делаешь?

– Учю, – ответил железный капитан.

Голос его был звучный и хрипловатый, как боевая труба. Лякумович оторопел от неожиданности. Он видел, что Засядько не шутит, но все равно в его сознании не укладывалось, что во время такого изнурительного похода, когда все силы брошены на выживание, нашелся человек, выписавший на листок бумаги английские слова, и теперь зубрит их по дороге, ни минуты не теряя даром.

– Мне недостаточно знания только французского, итальянского и немецкого языков, – терпеливо объяснил Засядько, видя смятение поручика. – Вместо того чтобы преподавать в корпусе латинский и древнегреческий, лучше бы ввели в программу еще два живых языка. Мертвым – вечный покой, живым – жизнь...

– Господи! – вскричал Лякумович потрясенно. – Я думал, ты сочиняешь письмо своей пассии...

– У меня нет пассии, – усмехнулся Засядько. – Есть невеста. Самая красивая на всем белом свете. И она ждет. Когда я вернусь, мы сразу поженимся.

– Когда или если?

– Когда, – непреклонно сказал Засядько. – А письма ее вот...

Он показал другой рукав, где из-за обшлага тоже выглядывал потертый листок бумаги.

Но Лякумович почти не слушал. Какой же величайшей силой воли нужно обладать, чтобы на краю пропасти все так же жадно стремиться к знаниям!

Не успел додумать эту мысль, как вдруг впереди и сверху раздался страшный грохот. И сразу же чья-то сильная рука бесцеремонно схватила его за воротник, рванула в сторону. Лякумович ощутил, что его ноги отделяются от земли. Несколько метров он пролетел по воздуху, больно ударился при падении о камни. На голову посыпалась снежная пыль, в полуметре пронеслась груда камней, из которых самый маленький был с пушечное ядро, а иные превосходили по размерам откормленного быка.

– The mountain avalanche, – послышался невеселый голос капитана.

– Что? – спросил ошеломленный поручик.

– Горная лавина, – перевел Засядько. – Если я правильно произнес. У этих англичан, оказывается, написано по-немецки, а произносится не то по-старофранцузски, не то еще как...

Лякумович влюбленно глядел на друга, спасшего ему жизнь. Но Засядько тут же вернул его к жестокой действительности:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.